

Обзор дисциплинарной практики за 2021 год по вопросам, связанным с заключением соглашения на защиту третьего лица

2021 год

1. Адвокату объявлено предупреждение за заключение Соглашения с третьим лицом в условиях конфликта интересов без цели оказания юридической помощи.

Квалификационная комиссия 06 октября 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом Г. допущено нарушение п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в заключении ею 25 июня 2021 года с доверителем Х. Соглашения об оказании юридической помощи и оформлении ею ордера от 25 июня 2021 года № ... с предметом поручения «осуществление защиты гр-на К. в К. районном суде города Москвы» без цели оказания обвиняемому К. юридической помощи и в ознакомлении 25 июня 2021 года в К. районном суде города Москвы с материалом № ..., прилагаемым к ходатайству следователя ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Т. о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Г. в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии не согласилась, поддержала свои письменные Возражения на заключение Квалификационной комиссии от 19.11.2021 (вх. № ... от 19.11.2021), Заявление к возражениям от 26.11.2021 (вх. № ... от 26.11.2021) и Запрос (дополнение к Возражениям) от 26.11.2021 (вх. № ... от 26.11.2021). В указанных письменных Возражениях адвокат Г. повторила доводы своих письменных объяснений, ранее предоставленных в материалы дисциплинарного производства; сообщила, что, по ее мнению, в Заключении Квалификационной комиссии искажены её устные пояснения, данные в заседании Комиссии, что привело Комиссию к ошибочному выводу о её злонамеренных действиях в виде принятия поручения без намерения осуществлять защиту; полагает, что Квалификационной комиссией был расширен предмет обращения судьи Ф. В Заявлении к возражениям от 26.11.2021 адвокат Г. просила Совет направить дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства в связи с тем, что, по её мнению, Комиссия вышла за пределы жалобы, а выводы, изложенные в Заключении Комиссии, не соответствуют представленным в материалы дисциплинарного производства доказательствам. В Запросе (дополнении к

Возражениям) от 26.11.2021 адвокат Г. поставила вопросы о процедурных нарушениях, допущенных, по её мнению, Квалификационной комиссией при разбирательстве дисциплинарного производства, а именно - расширении предмета жалобы и рассмотрении дисциплинарного производства в отсутствие заявителя – судьи К. районного суда города Москвы Ф. Кроме того, адвокат Г. в вышеуказанных обращениях просила Совет при принятии решения по настоящему дисциплинарному производству учесть, что она глубоко сожалеет, что дала повод сомневаться в своей добросовестности при принятии поручения на защиту, а также принять во внимание, что ранее она не привлекалась к дисциплинарной ответственности и имеет на иждивении 4 детей.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав адвоката Г., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами в полном объёме, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве К. районного суда города Москвы с 23 июня 2021 года находился материал № ... о продлении срока домашнего ареста обвиняемому Ку. Судебное заседание состоялось 25 июня 2021 года под председательством судьи Д. Судом было вынесено постановление об удовлетворении ходатайства следователя о продлении срока домашнего ареста Ку. 06 июля 2021 года данное постановление суда вступило в силу.

В производстве К. районного суда города Москвы с 23 июня 2021 года находился материал № ... о продлении срока содержания под стражей обвиняемому К. Судебное заседание состоялось 28 июня 2021 года под председательством судьи Ф. Судом было вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о продлении К. срока содержания под стражей, мера пресечения К. изменена на домашний арест. 02 июля 2021 года данное постановление суда вступило в силу.

25 июня 2021 года адвокат Г. заключила соглашение на оказание юридической помощи с ранее незнакомой ей гражданкой Х. посредством онлайн-обмена документами. Предметом указанного соглашения было осуществление защиты К. и Ку. по уголовному делу на стадии предварительного расследования. В тот же день гражданка Х. произвела частичную оплату гонорара адвокату Г. в сумме 40 000 рублей.

25 июня 2021 адвокат Г. явилась в К. районный суд города Москвы и, представив удостоверение и ордер на защиту интересов обвиняемого К., ознакомилась с представленным следователем материалом, после чего ушла, поскольку заседание суда по рассмотрению указанного материала было отложено на 28 июня 2021 года. В тот же день адвокат Г., представив аналогичный ордер, ознакомилась с материалом № ... в отношении обвиняемого Ку., являющегося обвиняемым по тому же уголовному делу, что и К. При этом в судебном заседании 25 июня 2021 года К. районного суда

города Москвы под председательством судьи Д. по рассмотрению материала № ... о продлении обвиняемому Ку. срока содержания под домашним арестом адвокат Г. также не участвовала. Допуск адвоката Г. к ознакомлению с материалами о продлении срока содержания К. под стражей и Ку. под домашним арестом был осуществлен судьей К. районного суда города Москвы Д., в чьем производстве по состоянию на 25 июня 2021 года находились оба материала. Расписок об ознакомлении адвоката Г. указанные материалы не содержат, и она в ходе дисциплинарного разбирательства, в том числе и в заседании Совета, не смогла объяснить причину отсутствия таких расписок, подтвердив факт ознакомления с обоими материалами.

В судебное заседание К. районного суда по рассмотрению материала № ... о продлении срока содержания под стражей обвиняемому К. 28 июня 2021 года адвокат Г. не явилась, а сам К. на вопросы суда пояснил, что данный адвокат ему неизвестен, соглашения с ним ни он, ни его родственники, включая находящуюся в зале суда жену, не заключали. Присутствовавший в зале суда следователь также пояснил, что им адвокат в порядке ст. 51 УПК РФ не вызывался, и следователю адвокат Г. неизвестна.

Рассматривая доводы обращения судьи К. районного суда города Москвы Ф. без даты (вх. № ... от 07.07.2021) относительно предоставления адвокатом Г. ордера, подтверждающего факт заключения соглашения на защиту К., ознакомлении адвоката Г. с материалом № ..., прилагавшимся к ходатайству следователя ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Т. о продлении срока содержания обвиняемого К. под стражей, при отсутствии у адвоката Г. реального намерения для вступления в уголовное дело в качестве защитника К., что подтверждается её неучастием в судебном заседании К. районного суда города Москвы 28 июня 2021 года при рассмотрении указанного ходатайства следователя, Совет приходит к выводу о том, что данное дисциплинарное обвинение нашло свое подтверждение в ходе дисциплинарного производства.

Как следует из представленной адвокатом Г. светоконии Соглашения об оказании юридической помощи, оно было заключено между ней и доверителем Х. 25 июня 2021 года, и его предметом, изложенным в п. 1.1 Соглашения, являлась защита *«двух граждан: К., 08.01.1979 г.р., и Ку., 02.02.1977, на стадии предварит. расследования по угол. делу, материалы по мере пресечения которого рассматриваются 25.06.21 в К. р-м суде Москвы (ф/с Д.)»*.

В соответствии с заключённым Соглашением адвокатом Г. были выписаны два ордера от 25 июня 2021 года: ордер № ... на осуществление с этой же даты защиты К. в К. районном суде города Москвы, и ордер № ... на осуществление с этой же даты защиты Ку. в К. районном суде города Москвы и М. городском суде.

При этом, как следует из пояснений адвоката Г., на момент заключения соглашения с Х. ей было достоверно известно, что Х. действует по указанию своего сына, входившего в круг общения Кар., которого в недавнем прошлом

в течение двух лет защищала адвокат Г. по уголовному делу, по которому были привлечены в качестве обвиняемых К. и Ку., также имелась вероятность уголовного преследования в отношении Кар.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, критически относится к объяснением адвоката Г. о том, что целью заключенного ею 25 июня 2021 года Соглашения с Х. являлось оказание юридической помощи К. и Ку., поскольку еще на момент принятия поручения от доверителя Х. адвокату Г. было достоверно известно о наличии взаимосвязи между указанным уголовным делом и риском уголовного преследования её бывшего доверителя Кар. Данное обстоятельство подтверждается позицией самой адвоката Г., указавшей в своих пояснениях в заседании Квалификационной комиссии о своей осведомленности об этой взаимосвязи, при этом адвокату Г. было достоверно известно, что уголовное преследование Кар. не завершилось тем уголовным делом, в котором она ранее в течение двух лет осуществляла его защиту.

Подпункт 10 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливает запрет адвокату оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса.

Несмотря на данное императивное положение Кодекса профессиональной этики адвоката и приведённые выше обстоятельства, адвокат Г. заключила Соглашение с Х. о защите К. и Ку. на стадии предварительного следствия, осознавая очевидную невозможность её вступления в указанное уголовное дело в качестве защитника этих лиц. Подтверждение этому обстоятельству содержится в части IV Соглашения об оказании юридической помощи от 25 июня 2021 года, содержащей текст следующего содержания, написанный собственноручно адвокатом Г.: *«Доверитель уведомлена, что наличие конфликта интересов, указанных в п. 1 договора граждан с др. подзащитным адвоката служит основанием для расторжения наст. договора в одностор. порядке, в т.ч. согласно пп. 3.5, 3.6 наст. договора».*

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что, заключая Соглашение об оказании юридической помощи с Х. на защиту К., адвокат Г. не имела реальных намерений вступить в уголовное дело в качестве защитника К. и осознавала невозможность этого, а преследовала цель получить сведения о показаниях К., Ку. и иных обвиняемых по уголовному делу относительно роли Кар. Именно поэтому, представив ордер от 25 июня 2021 года № ... на осуществление с этой же даты защиты К. в К. районном суде города Москвы, она не явилась в судебное заседание К. районного суда города Москвы 28 июня 2021 года по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания К. под стражей. Она также не провела конфиденциального свидания с К. для получения его согласия на защиту и согласование позиции.

Данные обстоятельства находят свое подтверждение в протоколе судебного заседания К. районного суда от 28 июня 2021 года, из которого следует, адвокат Г. в данном судебном заседании не участвовала, несмотря на

представленный ею ордер, с какими-либо заявлениями и ходатайствами к суду не обращалась. Более того, на вопрос председательствующего обвиняемый К. пояснил, что у него один защитник – адвокат П., с адвокатом Г. ни он, ни его жена, присутствующая в зале судебного заседания, соглашений не заключали и ничего о ней не знают.

Совет отклоняет как несостоятельное объяснение адвоката Г. о том, что она 28 июня 2021 года не участвовала в судебном заседании К. районного суда города Москвы, так как покинула зал судебного заседания до начала процесса по указанию адвоката П. Адвокату Г. как профессиональному участнику уголовного судопроизводства заведомо известно о том, что адвокат, в соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, вступает в дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, а не по указанию или с согласия другого адвоката, и обязан провести конфиденциальное свидание с подзащитным для получения его личного согласия на защиту и согласования позиции.

В соответствии с абз. 2, 3 п. 2 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденного Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8), при заключении таких соглашений адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату для заключения и подписания соглашения в интересах третьих лиц. В ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьих лиц и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокату следует проявлять разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающим соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката.

Все вышеизложенные требования, изложенные в решении органа адвокатского самоуправления, принятого в пределах его компетенции, были проигнорированы адвокатом Г. При этом, как следует из собственных пояснений адвоката Г., она заведомо знала, что доверитель Х., заключая с ней соглашение на защиту К. и Ку., действует даже не из своего интереса, а из интересов своего сына, входящего в окружение бывшего доверителя адвоката Г. – Кар., а не К. и Ку.

Соглашение с Х. адвокатом Г. было подписано без надлежащего её интервьюирования. Более того, как следует из объяснений самой адвоката Г., доверитель Х. ничего, кроме анкетных данных К. и Ку., полученных ею от сына, сообщить адвокату не смогла, что должно было быть самостоятельной

причиной для отказа адвоката Г. от заключения с Х. Соглашения об оказании юридической помощи.

Как следует из абз. 4 пункта 2 того же Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года, отсутствие у обратившегося к адвокату лица необходимой и достаточной информации об обвиняемом (подозреваемом) является одним из признаков, требующих от адвоката особо тщательного подхода к решению вопроса о возможности принятия поручения и необходимости получения согласия получателя юридической помощи до начала её оказания, чего адвокатом Г. также не было сделано.

Согласно пункту 3 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 года, в соглашении об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу в пользу третьего лица необходимо указывать сведения, позволяющие идентифицировать и верифицировать лицо, заключающее и подписывающее соглашение, в том числе: фамилию имя, отчество, паспортные данные, адрес места проживания (регистрации), контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты и др.), при этом адвокатам рекомендуется самостоятельно вносить сведения о данном лице в соглашение об оказании юридической помощи, основываясь на подлиннике документа, удостоверяющего личность.

Соглашение об оказании юридической помощи с Х. от 25 июня 2021 года, заключенное адвокатом Г., очевидно не соответствовало этим требованиям. Более того, в соглашении был указан адрес, который, по словам самого адвоката Г., не соответствует месту фактического проживания доверителя Х., и полностью отсутствуют какие-либо её контактные данные.

Действия адвоката Г., предпринявшей попытку под видом сохранения адвокатской тайны и исполнения воли доверителя Х. о неразглашении сведений из заключенного ею Соглашения от 25 июня 2021 года и её персональных данных, исключить из материалов дисциплинарного производства ранее присланную ею же копию этого Соглашения, свидетельствует скорее не о желании адвоката Г. обеспечить сохранность адвокатской тайны, а о попытке завуалировать истинную цель представления адвокатом Г. в К. районный суд города Москвы ордера от 25 июня 2021 года № ... на осуществление защиты К., Ку. и иных лиц в отношении её бывшего подзащитного Кар.

Дополнительным доказательством отсутствия у адвоката Г. реального намерения на вступление в уголовное дело в качестве защитника К. является тот факт, что, имея предметом Соглашения защиту К. и Ку. на стадии предварительного расследования, а не в обособленной процедуре уголовного судопроизводства - при рассмотрении судом ходатайств следователя о продлении сроков действия ранее избранных указанным обвиняемым мер пресечения, адвокат Г. не предприняла каких-либо попыток по обращению к следователю, в чьем производстве находилось данное уголовное дело, для

своего вступления в него путем предоставления ордера и удостоверения. Напротив, не имея официально полученного согласия обвиняемых на их защиту и не устранив очевидных сомнений в возможности принятия на себя данного поручения по причине высоких рисков наличия существенных противоречий между позициями обвиняемых по данному уголовному делу и позицией её бывшего подзащитного Кар., предъявила ордер на защиту К. в К. районный суд города Москвы и ознакомилась с материалами из уголовного дела, в которое не вступила.

Пояснение адвоката Г. о том, что в факте её ознакомления как с материалом в отношении обвиняемого Ку., так и с материалом в отношении обвиняемого К. имеется вина судьи К. районного суда города Москвы Д., знавшей, по мнению адвоката Г., о наличии противоречий в позициях между обвиняемыми К. и Ку., но допустившей ознакомление адвоката Г. с обоими материалами, является явно надуманным, так как в данной стадии уголовное дело по обвинению К. и Ку. не находилось в производстве суда, в связи с чем в его компетенцию не входило определять наличие или отсутствие противоречий в позициях лиц, препятствующих одному адвокату быть защитником сразу двух лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Данное решение в имевшейся ситуации мог принять только следователь, в чьем производстве находилось уголовное дело в отношении К. и Ку., однако к следователю адвокат Г. не обращалась, равно как и не воспользовалась предоставленной ч. 4¹ ст. 49 УПК РФ возможностью получения конфиденциального свидания с обвиняемыми К. и Ку. для получения от них соответствующего согласия на вступление в уголовное дело в качестве их защитников.

Кроме того, адвокат самостоятельно принимает все решения, связанные с заключением соглашений об оказании юридической помощи, и осуществляет соответствующие действия по исполнению принятых поручений и несёт персональную ответственность за соответствие этих действий требованиям закона и профессиональной этики.

Институт независимой адвокатуры является гарантией конституционного права граждан, в том числе обвиняемых в уголовном судопроизводстве, на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем, правовые гарантии независимости адвоката и адвокатуры обеспечивают самостоятельность адвоката и невмешательство в его профессиональную деятельность. Законодатель максимально гарантировал свободу адвоката в общении с доверителем и в представительстве интересов последнего перед государственными и иными органами и третьими лицами. Зная об этих положениях федерального законодательства, граждане доверяют адвокатам. Адвокат, будучи независимым советником по правовым вопросам и профессиональным юристом, обязан соблюдать требования закона и не вправе использовать средства защиты, противоречащие закону.

В соответствии с преамбулой Кодекса профессиональной этики адвоката «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без ...заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

В соответствии с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. Согласно п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат Г. допустила нарушение пунктов 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в заключении ею 25 июня 2021 года с доверителем Х. Соглашения об оказании юридической помощи и оформлении ею ордера от 25 июня 2021 года № ... с предметом поручения «осуществление защиты гр-на К. в К. районном суде города Москвы» без цели оказания обвиняемому К. юридической помощи и в ознакомлении 25 июня 2021 года в К. районном суде города Москвы с материалом № ..., прилагаемым к ходатайству следователя ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Т. о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные утверждения адвоката Г. о нарушении её прав при разбирательстве в Квалификационной комиссии, поскольку выхода за пределы обращения Комиссией не допущено, а всем пояснениям адвоката Г. дана надлежащая оценка на основании установленных обстоятельств дела. По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Г. за допущенное нарушение, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом Г. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и профессиональной этики, в том числе в отношениях с судом. В то же время Совет учитывает, что действия адвоката Г. не причинили реального вреда интересам обвиняемого К., адвокат Г. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась, имеет на иждивении четверых детей.

При указанных обстоятельствах Совет полагает возможным предоставить адвокату Г. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает необходимым применить к ней меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Так, обращение судьи К. районного суда города Москвы Ф. в части ознакомления адвоката Г. с материалом № ... в отношении обвиняемого Ку. Совет признаёт недопустимым, поскольку, как следует из материалов дисциплинарного производства и Заключения Квалификационной комиссии, материал № ... о продлении срока домашнего ареста обвиняемому Ку. был рассмотрен 25 июня 2021 года под председательством судьи Д.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, поводами для возбуждения дисциплинарного производства является обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат.

Какого-либо обращения судьи К. районного суда города Москвы Д. в Адвокатскую палату города Москвы относительно ненадлежащего профессионального поведения адвоката Г. не поступало.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в заключении ею 25 июня 2021 года с доверителем Х. Соглашения об оказании юридической помощи и оформлении ею ордера от 25 июня 2021 года № ... с предметом поручения «осуществление защиты гр-на К. в К. районном суде города Москвы» без цели оказания обвиняемому К. юридической помощи и в ознакомлении 25 июня 2021 года в К. районном суде города Москвы с материалом № 3..., прилагаемым к ходатайству следователя ... отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве Т. о продлении обвиняемому К. срока содержания под стражей.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по обращению судьи К. районного суда города Москвы Ф. без даты (вх. № ... от 07.07.2021), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2. Адвокату объявлено замечание за участие в судебном заседании в качестве представителя истца в отсутствие его согласия на оказание юридической помощи.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 февраля 2021 года адвокат П. ненадлежащим образом, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении; избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), что выразилось в том, что, заключив со С. Соглашение об оказании юридической помощи без номера от 11 мая 2020 года на представление интересов административного истца М. в административном деле о признании недействительным запрета на его въезд на территорию Российской Федерации, 13 июля 2020 года принял участие в судебном заседании 3. районного суда города Москвы по административному делу № ... в качестве представителя административного истца М., не получив от М. согласия на оказание ему юридической помощи, включая участие адвоката П. в судебном разбирательстве административного иска М.

Адвокат П. в заседание Совета не явился, заявив по электронной почте ходатайство от 26 марта 2021 года о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие. В ходатайстве адвокат П. дополнительно указал, что ранее данные им объяснения он поддерживает в полном объеме, Заключение Квалификационной комиссии получил своевременно, с ним 2 согласен, вину признает полностью. Просит строго не наказывать, учесть, что он впервые привлекается к дисциплинарной ответственности, и все действия он совершал в интересах М. (вх. № ... от 29.03.2021).

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что адвокат П. заключил со С. Соглашение об оказании юридической помощи без номера от 11 мая 2020 года на представление интересов административного истца М. в административном деле о признании недействительным запрета на его въезд на территорию Российской Федерации.

На момент заключения со С. указанного Соглашения у адвоката П. отсутствовали достоверные данные о том, что С. знакома с М., и что у нее имеется надлежащим образом оформленное поручение от него на заключение такого Соглашения.

С. не предоставила адвокату П. достоверные и достаточные доказательства того, что она вправе действовать по поручению М. и в его интересах. При этом адвокат П. с доверителем М. знаком не был, никогда лично, по телефону или с использованием иных средств связи, не общался. В

соответствии с заключенным Соглашением от 11 мая 2020 года адвокат П. оформил ордер от 11 мая 2020 года № ..., в котором указано, что ему с 11 мая 2020 года поручается участие в качестве представителя М. в 3. районном суде города Москвы. Ордер предоставлен адвокатом П. в материалы административного дела № ..., после чего адвокат П. принял участие в судебном разбирательстве в качестве представителя истца М. в данном деле, в том числе и в судебном заседании 13 июля 2020 года, в котором суд рассмотрел иски М. к ГУ МВД России по городу Москве и к УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве о признании незаконным решения от 10 сентября 2019 года в отношении М. о запрете въезда на территорию Российской Федерации на срок до 12 августа 2022 года, и в иске отказал.

Квалификационная комиссия правильно установила природу заключенного адвокатом П. со С. Соглашения об оказании юридической помощи без номера от 11 мая 2020 года, в предмет которого входит судебное представительство интересов М. при рассмотрении 3. районным судом города Москвы его административного иска, придя к выводу, что оно представляет собой соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица.

В соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п.п. 1 и 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснении № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждено Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8) и опубликовано на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>>) указал, что «по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы

УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsinpismo.ru>). Согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть также получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий за него защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту. [...]

Если в отношении обвиняемого (подозреваемого) избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, то адвокат во всех случаях обязан получить согласие лица, которому он будет оказывать юридическую помощь, на свое участие в уголовном деле до начала ее оказания.

Совет отмечает, что лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда процессуальная ситуация требует немедленного оказания юридической помощи и отсутствует достаточное время для предварительного получения согласия обвиняемого (подозреваемого), адвокат вправе приступить к оказанию юридической помощи до его получения. В этих случаях адвокат в кратчайшие сроки, при первой возможности после начала оказания юридической помощи, обязан совершить все необходимые действия, направленные на получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле. На первой встрече (свидании) с обвиняемым (подозреваемым) адвокат обязан сообщить доверителю о действиях, которые он совершил в целях оказания ему юридической помощи, результатах этих действий и полученных в ходе их осуществления сведениях».

Учитывая, что законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, предъявляет единые требования к соглашению об оказании юридической помощи вне зависимости от вида судопроизводства и существа оказываемой юридической помощи, этическое правило о необходимости получения согласия лица – получателя юридической помощи в полной мере распространяется и на случаи заключения соглашения в пользу третьего лица на представление его интересов в административном деле.

Сопоставляя установленные Квалификационной комиссией фактические обстоятельства с приведенными выше правовыми положениями, Совет отмечает, что полное отсутствие у адвоката П. какого-либо общения с доверителем М. не давало ему оснований для вывода о том, что М., с которым адвокат П. даже не был знаком, действительно выразил свое согласие на то, чтобы адвокат П. был его представителем в 3. районном суде города Москвы при рассмотрении административного иска.

При таких обстоятельствах у адвоката П. не было оснований приступать к выполнению поручения, предусмотренного Соглашением об оказании юридической помощи без номера от 11 мая 2020 года, а тем более - принимать участие в судебном заседании 13 июля 2020 года, основываясь на информации, полученной исключительно от С. Более того, с момента заключения Соглашения 11 мая 2020 года до судебного заседания 13 июля 2020 года прошло более двух месяцев, что позволяло адвокату П., действуя разумно и добросовестно, найти способ с помощью технических средств с использованием видео-возможностей согласовать с М. сам вопрос оказания ему юридической помощи на основании заключенного со С. Соглашения, а 5 также выяснить все аспекты, связанные с правовой позицией М. по его административному делу, и уточнить необходимость приобщения к материалам административного дела доказательств. Однако адвокат П. не совершил описанных выше действий, не предпринял никаких попыток установить контакт с М. как с лицом, которому намеревался оказывать юридическую помощь.

Изложенное выше свидетельствует об опровержении презумпции добросовестности адвоката П. и установлении его вины в форме грубой неосторожности в совершении вышеуказанного нарушения.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката П. за совершенный им проступок, Совет учитывает его грубый характер и отмечает явное несоответствие профессионального поведения адвоката этическим правилам, установленным при заключении соглашения об оказании юридической помощи в пользу третьих лиц. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат П. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к адвокату П. меры дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки

предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М. («честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении; избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), что выразилось в том, что, заключив со С. Соглашение об оказании юридической помощи без номера от 11 мая 2020 года на представление интересов административного истца М. в административном деле о признании недействительным запрета на его въезд на территорию 6 Российской Федерации, 13 июля 2020 года принял участие в судебном заседании 3. районного суда города Москвы по административному делу № ... в качестве представителя административного истца М., не получив от М. согласия на оказание ему юридической помощи, включая участие адвоката П. в судебном разбирательстве административного иска М.

3. Адвокату объявлено предупреждение за оказание юридической помощи доверителю, в пользу которого было заключено соглашение, без его согласия.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 09 июня 2021 года адвокатом С. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., что выразилось в представлении 26 января 2021 года её интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни № ... от 02 декабря 2019 года и подачи претензии от её имени на основании Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 15 января 2021 года, заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что И. обратилась за оказанием правовой помощи в коммерческую организацию ООО «Р.» и 24 декабря 2020 года заключила Договор об оказании

юридических услуг № ..., пунктом 1.1 которого определен «характер юридической услуги»: правовой анализ ситуации, консультирование, составление проектов документов в интересах И. (в качестве заказчика по договору) по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни и возврата денежных средств, выезд специалиста в интересах заказчика «по вышеназванному вопросу в уполномоченные органы». Пунктом 2.3.3 указанного договора предусмотрено право ООО «Р.» привлекать к работе необходимых специалистов за счет «заказчика» и по согласованию с ним.

15 января 2021 года ООО «Р.» заключило Соглашение № ... об оказании юридической помощи (далее «Соглашение») с адвокатом С., который в соответствии с п. 2 Соглашения принял поручение осуществить разовый выезд в ООО СК «С.» для представления интересов И. по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни, с подачей претензии. Соответствующая претензия была подписана адвокатом С. 26 января 2021 года и в этот же день передана им в страховую компанию.

Страховая компания в ответ на поданную адвокатом С. претензию направила И. письмо исх. № ... от 09 февраля 2021 года, а также предоставила И. заверенные страховой компанией 11 марта 2021 года копии ордера от 26 января 2021 года № ..., адвокатского удостоверения № ... адвоката С., выданного 03 марта 2017 года, и подписанной им претензии.

Квалификационной комиссией также установлено, что адвокат С. с И. лично знаком не был, никогда не встречался и не общался с ней, доверенность на представление интересов И. в отношениях с третьими лицами и/или совершении действий от ее имени не получал, согласия либо поручения И. на осуществление действий от ее имени в правоотношениях со страховой компанией - ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора также не получал ни в устной, ни в письменной форме. На заключенном адвокатом С. с ООО «Р.» Соглашении подпись И. отсутствует, доказательства согласования ею указанного Соглашения в какой-либо иной форме также отсутствуют.

При обращении в ООО СК «С.» и подаче претензии «в интересах» И., адвокат С. представил адвокатское удостоверение и ордер от 26 января 2021 года № ..., выданный Коллегией адвокатов города Москвы «В.».

Принимая решение, Совет признает, что в ходе дисциплинарного производства указанные обстоятельства объективно подтвердились материалами дисциплинарного производства, а также не оспаривались участниками дисциплинарного разбирательства.

В соответствии с пп. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Статья 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката разъясняет, что под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения.

Совет в своих решениях неоднократно обращал внимание на особенности заключения соглашения об оказании юридической помощи в интересах третьих лиц. В таких правоотношениях важнейшим фактором является получение адвокатом поручения или согласия лица, в целях защиты прав и законных интересов которого адвокат заключает соглашение.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Совет Адвокатской палаты города Москвы, действуя в пределах своей компетенции, 27 июня 2019 года утвердил Разъяснения № 12 «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», в которых, в частности, указал: «по общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. ...нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие... Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя».

Указанные Разъяснения находятся в открытом доступе и размещены на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в сети «Интернет» (<<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/>>), а также опубликованы в официальном издании Адвокатской палаты города Москвы – «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 2. С. 129). Они подлежат исполнению всеми членами Адвокатской палаты города Москвы.

Совет обращает внимание, что подход, изложенный в данных Разъяснениях, адвокатам в равной степени необходимо учитывать и применять не только при принятии поручения на защиту по уголовному делу, но и при оказании юридической помощи любого вида.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Положения п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката также обязывают адвоката при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, с которым Совет соглашается в полной мере, что адвокат С., заключая Соглашение с ООО «Р.», исходя из предмета поручения, сформулированного в п. 2 Соглашения, не мог не понимать, что заключает соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица - И., которая в силу приведенных выше положений Кодекса профессиональной этики адвоката становится его доверителем в силу характера принимаемого им на основании Соглашения обязательства об оказании юридической помощи. Однако никаких доказательств того, что он получил согласие И. на исполнение обязательств по Соглашению, заключённому в её интересах, в материалы дисциплинарного производства адвокат С. не представил.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой, а его вину доказанной, установлено ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей перед доверителем И., что выразилось в представлении 26 января 2021 года её интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни от 02 декабря 2019 года № ... и подачи претензии от её имени на основании Соглашения об оказании

юридической помощи от 15 января 2021 года № ..., заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

Заявителем И. в отношении адвоката С. выдвинуто также дисциплинарное обвинение в том, что представленный адвокатом С. в ООО СК «С.» ордер от 26 января 2021 года № ... оформлен с нарушением правил, поскольку в качестве основания его выдачи указано «соглашение», однако реквизиты соглашения не указаны, и никакого соглашения с адвокатом С. она не заключала, в связи с чем адвокат С. не имел права использовать такой ордер.

Совет в этой связи принимает во внимание, что 15 января 2021 года адвокат С. заключил с ООО «Р.» Соглашение № ... об оказании юридической помощи на представление интересов И. в ООО СК «С.», а ордер от 26 января 2021 года № ... выдан адвокату С. Коллегией адвокатов города Москвы «В.», членом которой он является.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные доводы, основанные на материалах дисциплинарного производства, свидетельствующие о том, что в указанной части презумпция добросовестности адвоката С. не опровергнута. С этими доводами Совет также соглашается.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату С. за допущенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, выразившийся в явно формальном и недобросовестном подходе к исполнению принятых на себя по Соглашению с доверителем И. обязательств, демонстрирующий намеренное пренебрежение требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики, а также прямое игнорирование адвокатом С. обязательных требований, содержащихся в решениях органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совет полагает, что этим нарушением адвокатом С., создана неопределенность в его отношениях с доверителем И. Одновременно с этим Совет учитывает, что адвокат С. полностью признал вину в допущенном дисциплинарном нарушении, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался.

При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы решил применить к адвокату С. меру

дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем И., выразившееся в представлении 26 января 2021 года её интересов в ООО СК «С.» по вопросу расторжения договора инвестиционного страхования жизни № ... от 02 декабря 2019 года и подачи претензии от её имени на основании Соглашения № ... об оказании юридической помощи от 15 января 2021 года, заключенного адвокатом С. с ООО «Р.», в отсутствие согласия И. на оказание ей юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе И. от 23 марта 2021 года (вх. № ... от 23.03.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

4. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, заключившего соглашение о защите по уголовному делу в пользу третьего лица.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвоката К. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что 01 октября 2020 года между адвокатом К., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, Э. и Д. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи в интересах их сына – Э. И.

В этот же день адвокат К. предпринял попытку посетить Э. И. в ОМВД России по городу А. Ч., однако дежурный по ОМВД России по городу А. Ч. сообщил адвокату К., что Э. И. в ОМВД России по городу А. Ч. не содержится и никогда не содержался. В связи с тем, что место содержания Э. И. было неизвестно, адвокат К. обращался с многочисленными жалобами в правоохранительные органы Ч.

19 октября 2020 года адвокат К. обратился в Ш. городской суд Ч. с жалобой, в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, на бездействие следователя СО ОМВД России по городу А. Ч., выразившееся в непринятии процессуального решения по заявлению о совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ. Судебное заседание было назначено на 26 октября 2020 года.

20 октября 2020 года Ш. городской суд Ч. избрал Э. И. меру пресечения в виде заключения под стражу.

23 октября 2020 года адвокат К. вновь предпринял попытку посетить Э. И. в Изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ОМВД России по городу А. Ч., но дежурный по Изолятору не допустил адвоката К. к Э.И.

26 октября 2020 года адвокат К. в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, обратился в Ш. городской суд Ч. с жалобой на действия начальника Изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ОМВД России по городу А. Ч.

26 октября 2020 года судебное заседание Ш. городского суда Ч. проходило в отсутствие Э. И. В протоколе судебного заседания Ш. городского суда Ч. от 26 октября 2020 года по рассмотрению материала № ... по жалобе адвоката К. указано следующее:

«Председательствующий оглашает заявление Э. И., в чьих интересах адвокатом К. подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие следователя СО ОМВД России по городу А. Ч., поступившее в Ш. городской суд Ч. из ИВС ОМВД России по городу А. в закрытом конверте 23 октября 2020 года.

Сторонам обзревается заявление Э. И., а также сопроводительное письмо из ОМВД России по городу А. Ч. и расписка о получении Э. И. жалобы с приложенными материалами.

Адвокат К.:

- Настаиваю на рассмотрении жалобы и ее удовлетворении. Считаю, что данное заявление Э. И. написано под давлением сотрудников ОМВД России по городу А.

Заместитель прокурора города А. Ч. С.:

- В связи с заявлением, поступившим от Э. И. в чьих интересах подана жалоба, в котором он отказывается от услуг защитника, а также не поддерживает доводы, изложенные в жалобе, с которыми он ознакомился и просит в своем заявлении отказать в удовлетворении жалобы, прошу производство по жалобе прекратить, так как считаю, что отсутствуют основания для проверки законности и обоснованности доводов жалобы заявителя».

Из содержания рукописного заявления Э. И. от 23 октября 2020 года следует, что между ним и адвокатом К. какое-либо соглашение об оказании юридической помощи не заключалось. Кроме того, Э. И. не располагает достоверными сведениями о том, что его близкие родственники заключили с адвокатом К. соглашение об оказании ему юридической помощи. В связи с этим Э. И. не поддерживает жалобу адвоката К. и заявляет отказ от адвоката К.

26 октября 2020 года постановлением Ш. городского суда Ч. производство по жалобе адвоката К., поданной в интересах Э. И. в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, прекращено.

В этот же день адвокат К. обжаловал в апелляционном порядке постановление Ш. городского суда Ч. от 26 октября 2020 года.

Судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К. на постановление Ш. городского суда Ч. от 26 октября 2020 года было назначено на 08 декабря 2020 года.

27 октября 2020 года адвокат К. опросил родителей Э. И. – Э. и Д. по обстоятельствам задержания их сына. В своих объяснениях они указали, что 17 июня 2020 года их сын вышел из дома и не вернулся. Э. известно, что в Ч. сотрудники полиции задерживают «молодых людей» для профилактики, а потом отпускают. Примерно через три недели Э. позвонил сотрудник Центра по противодействию экстремизма МВД России по Ч. и сообщил, что их сын – Э. И. задержан и находится в Изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ОМВД России по городу А. Ч. Следователь СО ОМВД России по городу А. Ч. А. не разрешил Э. и Д. увидеться с сыном, однако разрешил поговорить по телефону. Затем Э. и Д. для оказания юридической помощи своему сыну пригласили адвоката Г. С., которого органы следствия не допускали до участия в процессуальных действиях при производстве проверки сообщения о преступлении. 01 октября 2020 года Э. и Д. для оказания юридической помощи своему сыну пригласили адвоката К., а после того, как он попытался начать оказывать Э. И. юридическую помощь, в адрес Э. и Д. стали поступать угрозы с целью склонить их к отказу от адвоката К.

19 декабря 2020 года следователь Ш. МРСО СУ СК РФ по Ч. Го. сообщил Э., что его сын – Э. И. официально задержан. Э. сообщил следователю Го., что у Э. И. есть защитник по соглашению, однако следователь Го. сказал, что участие защитника пока не требуется, а когда потребуется, то он сообщит об этом Э. Затем Э. и Д. узнали, что следователь Го. назначил Э. И. в порядке, предусмотренном ст. ст. 50 и 51 УПК РФ, защитника – адвоката Т., при участии которого Э. И. подписал протоколы процессуальных действий и признал себя виновным в совершении преступлений, которые не совершал.

08 декабря 2020 года адвокат К. в судебное заседание не явился, а направил в адрес суда апелляционной инстанции ходатайство, содержащее просьбу рассмотреть апелляционную жалобу в его отсутствие.

В протоколе судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Ч. от 08 декабря 2020 года по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката К. указано следующее:

«...Председательствующий доводит до сведения обвиняемого Э. И., что в ордере адвоката К. указано, что он участвует по соглашению и участвует при подаче только жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, так же то, что от адвоката К. поступило ходатайство о рассмотрении апелляционной жалобы без его участия и выясняет мнение сторон.

Обвиняемый Э. И.: - Ваша честь! Я с адвокатом К. не знаком, мне неизвестно, заключали ли с ним мои родственники соглашение. Я заключал

соглашение с адвокатом Г. С., прошу обеспечить его участие в судебном заседании.

Прокурор А. М.: - Ваша честь! На усмотрение суда.

Суд на месте, руководствуясь статьей 256 УПК РФ, постановил отложить судебное заседание на 11 часов 00 минут 09 декабря 2020 года».

09 декабря 2020 года судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Ч. продолжено. В протоколе судебного заседания указано: «...Обвиняемый Э. И.: - Я по-прежнему настаиваю на своем заявлении об отказе от адвоката К. и не поддерживаю доводы его апелляционной жалобы. Я с этим адвокатом соглашения не заключал и мне неизвестно, кто заключил с ним соглашение, с апелляционной жалобой я так же не знаком.

Адвокат Г.С.: - Ваша честь! Я вступил в это дело после адвоката К., я эту жалобу не подавал, но из-за солидарности буду поддерживать все, что сказал мой коллега или исходит от него. Моя позиция такая. Я считаю, если есть основания для отмены решения суда первой инстанции о прекращении и если есть основания для того, чтобы по-новому провести проверку, то я прошу направить дело, чтобы не было никаких сомнений относительно объективности, полноты ранее проведенной проверки, и относительно проверки доводов, изложенных первоначально в объяснениях и в жалобах моего доверителя и в том числе моего коллеги. Чтобы снять все подозрения, сомнения, я считаю, было бы целесообразнее направить дело и пригласить адвоката К., пусть отстаивает свою позицию в суде первой инстанции.

Обвиняемый Э. И.: - Поддерживаю адвоката Г. С.

Прокурор А. М.: - Ваша честь! В связи с тем, что жалоба подана без ордера неправомочным лицом, считаю, что апелляционная жалоба подлежит оставлению без рассмотрения.

Следователь А.: - Ваша честь! Я считаю, что жалобу надо оставить без рассмотрения, в связи с тем, что отсутствует ордер адвоката К.

Суд удаляется в совещательную комнату для принятия решения...».

В этот же день апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Ч. материал по апелляционной жалобе адвоката К. снят с апелляционного рассмотрения и возвращен в Ш. городской суд Ч. для рассмотрения в порядке, предусмотренном ст. 389.6 УПК РФ.

Кроме того, 26 октября 2020 года адвокат К. обратился в Ш. городской суд Ч. в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, с жалобой на действия руководителя Изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений ОМВД России по городу А. Ч., выразившиеся в отказе 23 октября 2020 года адвокату К. в предоставлении свидания с его подзащитным Э. И.

В этот же день постановлением Ш. городского суда Ч. адвокату К. было отказано в принятии его жалобы к производству.

В постановлении указано:

«...При таких обстоятельствах, учитывая, что изложенные в жалобе доводы не являются предметом обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ, а также, что ИВС не является органом, чьи действия могут быть обжалованы в порядке ст. 125 УПК РФ, суд приходит к выводу о том, что в принятии к рассмотрению жалобы должно быть отказано».

04 февраля 2021 года Э. И. написал заявление следующего содержания: *«Желаю, чтобы меня защищал адвокат К. и всегда желал этого. Заявление об отказе от услуг адвоката К. меня вынуждали писать сотрудники полиции под действием угроз насилия».*

Рассматривая доводы обращения (частного постановления) судьи Верховного суда Ч. Г. от 09 декабря 2020 года о том, что 26 октября 2020 года в судебном заседании Ш. городского суда Ч. обвиняемый Э. И. пояснил, что он не заключал с адвокатом К. соглашения об оказании юридической помощи, отказывается от адвоката К., доводы жалобы адвоката К., поданной им в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ не поддерживает, но, несмотря на это, адвокат К. настоял на рассмотрении своей жалобы, а потом вопреки позиции, которую занял Э. И., подал апелляционную жалобу на постановление Ш. городского суда Ч. от 26 октября 2020 года, которым производство по жалобе адвоката К. было прекращено, Совет отмечает, что в силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

В соответствии с п.п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

В силу положений п.п. 1, 2 ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

В силу положений ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Согласно ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле

перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Пунктом 2.1 «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 04 декабря 2017 года (протокол № 8) и доведенных до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<<https://fparf.ru>>), на сайтах многих адвокатских палат субъектов РФ, включая сайт Адвокатской палаты города Москвы (<<http://www.advokatymoscow.ru>>) предусмотрено, что «Основаниями для выдачи ордера адвокату являются: соглашение адвоката с доверителем или поручение в порядке назначения на оказание юридической помощи, подлежащие регистрации в документации адвокатского образования».

В п. 2.2 «Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам» указано, что «при заполнении ордеров на защиту в уголовном судопроизводстве, либо на свидание адвоката с обвиняемым (подозреваемым) в абзаце «поручается» следует указывать: в строке «сущность поручения» после даты принятия поручения и перед фамилией, именем и отчеством (при наличии) физического лица, чьи интересы представляются, необходимо указывать: «участие в уголовном деле в качестве защитника», либо «свидание с подзащитным», либо «свидание с обвиняемым (подозреваемым) для получения его согласия на участие в уголовном деле в качестве защитника».

В Разъяснениях № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (Утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года Протокол № 8) указано: «Лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо / назначенное лицо / обвиняемый (подозреваемый)), в силу ст. 6.1. Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако, имеют

различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Правом распоряжения сведениями, являющимися адвокатской тайной, и полным безусловным доступом к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи, обладает только обвиняемый (подозреваемый), которому оказывается юридическая помощь. Он же вправе свободно выбрать защитника (в том числе, одобрять или не одобрять выбор, сделанный в его интересах лицом, заключившим соглашение с адвокатом) и оценивать качество оказанной юридической помощи (п. 1).

В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката.

Перед принятием поручения адвокату также следует подробно выяснять сведения об обвиняемом (подозреваемом) и о процессуальной ситуации, в которой он находится, в том числе: фамилию, имя, отчество, контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты), место задержания и нахождения, мера пресечения (если она избрана), существо обвинения (подозрения) и др. Отсутствие у обратившегося к адвокату лица необходимой и достаточной информации об обвиняемом (подозреваемом) является одним из признаков, требующих от адвоката особо тщательного подхода к решению вопроса о возможности принятия поручения и необходимости получения согласия получателя юридической помощи до начала ее оказания (п. 2).

В соглашении об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица необходимо указать сведения, позволяющие идентифицировать и верифицировать лицо, заключающее и подписывающее соглашение, в том числе: фамилию, имя, отчество,

паспортные данные, адрес места проживания (регистрации), контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты и др.). Адвокатам рекомендуется самостоятельно вносить сведения о данном лице в соглашение об оказании юридической помощи, основываясь на подлиннике документа, удостоверяющего личность (п. 3).

По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя (п. 5).

Часть 4.1 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что «в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера». Адвокатам необходимо активно пользоваться этим правом в целях своевременного получения такого согласия.

Если в отношении обвиняемого (подозреваемого) избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, то адвокат во всех случаях обязан получить согласие лица, которому он будет оказывать юридическую помощь, на свое участие в уголовном деле до начала ее оказания.

Совет отмечает, что лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда процессуальная ситуация требует немедленного оказания юридической помощи и отсутствует достаточное время для предварительного получения согласия обвиняемого (подозреваемого), адвокат вправе приступить к оказанию юридической помощи до его получения. В этих случаях адвокат в кратчайшие сроки, при первой возможности после начала оказания юридической помощи, обязан совершить все необходимые действия, направленные на получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле. На первой встрече (свидании) с обвиняемым (подозреваемым) адвокат обязан сообщить доверителю о действиях, которые он совершил в целях оказания ему юридической помощи, результатах этих действий и полученных в ходе их осуществления сведениях (п. 6).

В целях сохранения адвокатской тайны адвокат, действуя разумно, добросовестно и квалифицированно, до получения согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле не вправе передавать кому-либо, в том числе и лицу, заключившему с ним соглашение об оказании юридической помощи, сведения, полученные в ходе оказания юридической помощи (материалы уголовного дела и иные сведения). После получения согласия обвиняемого (подозреваемого) на участие адвоката в уголовном деле коммуникация адвоката с третьими лицами и передача им какой-либо информации осуществляются по общим правилам адвокатской этики, не допускающим разглашения адвокатской тайны без согласия лица, которому оказывается юридическая помощь (за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности, включая Кодекс профессиональной этики адвоката) (п. 7).

В случае отказа обвиняемого (подозреваемого) в даче согласия на участие адвоката в уголовном деле соглашение об оказании юридической помощи считается расторгнутым и адвокат не вправе вступать в дело, а в случае, если отказ в таком согласии поступит после вступления адвоката в дело – обязан немедленно устраниваться от участия в нем, сделав соответствующее уведомление лицу, в производстве которого находится уголовное дело» (п. 8).

Указанные разъяснения доведены до сведения адвокатов путем опубликования на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы, где доступны по ссылке: <<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>>, а также опубликованы в официальном издании Адвокатской палаты города Москвы – «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2019. Выпуск № 2. С. 129-130).

Изложенные выше фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что на 26 октября 2020 года, с учетом содержания письменного заявления Э. И. от 23 октября 2020 года, для адвоката К. было очевидно, что у его доверителя – Э. И. отсутствовала информация о заключенном его родителями с адвокатом К. соглашении об оказании ему (Э. И.) юридической помощи. Помимо этого, адвокат К. был лишен возможности реализовать своё право,

предусмотренное ч. 4.1. ст. 49 УПК РФ, на получение свидания с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения и ордера в случае необходимости получения согласия на участие в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело. При таких обстоятельствах участие адвоката К. в судебном заседании Ш. городского суда Ч. 26 октября 2020 года, а также подготовка и направление им апелляционной жалобы на постановление Ш. городского суда Ч. от 26 октября 2020 года было направлено на исполнение обязанности по оказанию Э. И. квалифицированной юридической помощи и обеспечение возможности получения согласия последнего на участие адвоката К. в уголовном деле в качестве защитника. Описанные действия адвоката К., тем более совершённые в условиях воспрепятствования его профессиональной деятельности со стороны должностных лиц при указанных выше обстоятельствах, не могут быть расценены как действия, совершённые вопреки воле доверителя.

Последующее заявление Э. И. от 04 февраля 2021 года, в котором он выразил свое согласие на осуществление защиты адвокатом К. и изначальное желание этого, подтверждает правильность действий адвоката К., направленных на защиту прав и интересов Э. И. и их добросовестный характер.

На основании изложенного Совет приходит к выводу о том, что адвокат К., заключив соглашение об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи, действуя добросовестно, предпринимал все необходимые и возможные действия для получения согласия лица, которому будет оказываться юридическая помощь. При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката К. неопровергнутой, а выдвинутые заявителем дисциплинарные обвинения - необоснованными.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Верховного суда Ч. Г. от 09 декабря 2020 года (вх. № ... от 23.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

5. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы жалобы о том, что адвокат не оформил соглашение с доверителем в простой письменной форме и не оказал юридическую помощь, не нашли своего подтверждения.

Квалификационная комиссия 07 июля 2021 года вынесла Заключение:

- о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...», выразившемся в том, что 05 ноября 2021 года он заключил (оформил) с доверителем К.А. Соглашение об оказании юридической помощи № ... в интересах ООО «...», а также его «руководителей и сотрудников», не конкретизировав и не разграничив, какая юридическая помощь по находящемуся в производстве Следственного управления УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве уголовному делу № ... должна быть оказана ООО «...», а какая – его «руководителям и сотрудникам», а также не указав, в каком процессуальном статусе ООО «...» участвует в данном уголовном деле;

- о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе ООО «...» от 12 апреля 2021 года (вх. № ... от 16.04.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета адвокат К. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами согласен. На вопросы пояснил, что причину поданной на него жалобы видит в конфликте между участниками ООО «...», который происходит в настоящее время. Учредитель ООО «...» К.А., который приглашал адвоката К. для оказания юридической помощи, сейчас «находится в противоборстве» с теми, кто фактически контролирует компанию. Поэтому причина жалобы на адвоката К., по его мнению, «это скорее всего это такая отместка». При оказании юридической помощи ООО «...» адвокат К. учредителей никак не разделял, при встрече присутствовали учредители и директор компании, совместно с ними обсудили все вопросы, были поставлены задачи. Каждый раз, когда адвокат К. связывался с директором ООО «...», тот отвечал, что представитель компании сейчас перезвонит или предоставит необходимые документы. На связь каждый раз выходил учредитель К.А., и адвокат К. воспринимал именно его уполномоченным представителем ООО «...», который занимался данной проблемой. По этой причине адвокат К. всегда отчитывался перед учредителем ООО «...» К.А. о проделанной работе по Соглашению об оказании юридической помощи, давал необходимые пояснения, выполнял полученные от К.А. указания; последний был в курсе всех движений по уголовному делу. Директор ООО «...» с адвокатом К. не общался, с декабря 2019 года адвокат К. ни разу не слышал его, а также не знал, что ООО «...» подало иск в суд о взыскании вознаграждения адвоката, расторгло Соглашение об оказании юридической помощи. У адвоката К. есть переписка в «WhatsApp» с директором ООО «...» на дату возобновления расследования по уголовному делу, при этом директор даже не сообщил, что расторг Соглашение об оказании юридической помощи. Все это говорит о том, что

директор ООО «...» понимает, что выдвинутые в жалобе обвинения в бездействии в адрес адвоката К. совершенно необоснованные. Адвокат К. считает своей ошибкой, что в Соглашении об оказании юридической помощи не указал конкретное лицо - уполномоченного представителя ООО «...» по вопросам исполнения условий Соглашения; обещает учесть это на будущее и не повторять подобной ошибки.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав адвоката К., Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако не соглашается с её выводом в части признания ненадлежащим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнения адвокатом К. профессиональных обязанностей перед доверителем ООО «...».

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

К.А. является участником ООО «...» (ОГРН ...), что подтверждается имеющейся в материалах дисциплинарного производства выписки из Единого государственного реестра юридических лиц от 23 марта 2021 года № ... Сведения об участнике К.А. внесены в ЕГРЮЛ записью ГРН ... от 25 декабря 2015 года (размер доли 12,5 процентов). Другими участниками указанного общества являются Д. (размер доли 75 процентов, дата внесения сведений в ЕГРЮЛ 18 мая 2009 года) и В. (размер доли 12,5 процентов, дата внесения сведений в ЕГРЮЛ 25 декабря 2015 года). Генеральным директором ООО «...» является Б., сведения о котором внесены в ЕГРЮЛ записью ГРН ... от 30 ноября 2020 года.

05 ноября 2019 года между доверителем К.А. и адвокатом Московской коллегии адвокатов «...» К. заключено Соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с п. 1.1 которого «... доверитель поручает, а адвокат обязуется оказать юридическую помощь в объеме и на условиях, установленных Соглашением, ООО «...» ИНН ... по делу: Защита прав и представление законных интересов ООО «...», ее руководителей и сотрудников в рамках уголовного дела № ..., находящегося в производстве Следственного Управления внутренних дел по ... Главного управления МВД России по городу Москве на стадии предварительного расследования».

Согласно п. 1.2 Соглашения от 05 ноября 2019 года, в его предмет включены «следующие виды оказания юридической помощи:

1.2.1. беседа и первичная консультация Доверителя;

1.2.2. истребование, изучение и анализ документов, материалов по делу, подбор, изучение и анализ нормативно-правовых актов, судебной практики, методических рекомендаций, специальной литературы и на их основе выработка правовой позиции в целях защиты прав и законных интересов подзащитного;

1.2.3. консультации, разъяснение действующего законодательства РФ;

1.2.4. составление жалоб, ходатайств и иных процессуальных документов, надобность в которых возникнет в ходе производства предварительного и (или) судебного следствия по делу;

1.2.5. участие в следственных и процессуальных действиях, проводимых с подзащитным;

1.2.6. ознакомление с протоколами отдельных следственных действий в порядке, предусмотренном УПК РФ;

1.2.7. участие в суде первой инстанции при рассмотрении и разрешении дела по существу;

1.2.8. написание апелляционной жалобы на судебный акт, принятый по результатам рассмотрения дела».

Согласно п. 4.1 Соглашения от 05 ноября 2019 года, «Соглашение вступает в действие: С момента его оплаты Доверителем или Заинтересованным лицом. Если соглашение заключено Доверителем в интересах назначенного им физического или юридического лица, Адвокат, действуя в чужом интересе, обязан при первой возможности сообщить о Соглашении и своих действиях заинтересованному лицу и в случае неодобрения, Соглашение считается расторгнутым Доверителем. Одобрением считается и оплата гонорара заинтересованным лицом, в чьих интересах оно заключено и назначенного Доверителем».

07 ноября 2019 года ООО «...» перечислило на расчетный счет Московской коллегии адвокатов «...» 360 000 руб. с назначением платежа: «Оплата по счету № ... от 05 ноября 2019 года за оказание юридической помощи по соглашению № ... от 05 ноября 2019 года».

11 ноября 2019 года Московская коллегия адвокатов «...», удержав из перечисляемой суммы налог на доходы физического лица, перечислила на банковский счет адвоката К. вознаграждение в сумме 312 304 руб. с назначением платежа: «Гонорар за ноябрь 2019 года адвоката К. <...>».

Доверителем К.А. и адвокатом К. подписаны следующие отчеты об оказанной юридической помощи по Соглашению от 05 ноября 2019 года:

- отчет № 1 «об оказанных услугах» от 30 декабря 2019 года;
- отчет № 2 «об оказанных услугах» от 21 июля 2020 года;
- отчет № 3 «об оказанных услугах» от 20 октября 2020 года.

Адвокату К. выдан ордер от 17 декабря 2019 года № ... на представление интересов свидетеля Д.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 16 марта 2021 года по делу № ... отказано в удовлетворении исковых требований ООО «...» к МКА «...» о взыскании вознаграждения в сумме 360 000 руб., уплаченного за оказание юридической помощи адвокатом К. В обоснование вынесенного решения Арбитражный суд города Москвы в числе прочего указал: «... Ответчик – МКА «...» не является надлежащим Ответчиком по настоящему спору. Надлежащим Ответчиком по настоящему спору может являться только адвокат, с которым было заключено соглашение, кто является получателем спорной суммы, и кто непосредственно исполнял спорное соглашение, а

именно адвокат МКА «...» К., имеющий регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, а также удостоверение адвоката № ..., выданное ГУ Минюста РФ по городу Москве 19.03.2018 года».

Из жалобы заявителя ООО «...» следует, что адвокат К. обвиняется в том, что он не оформил своих отношений с доверителем (ООО «...») в виде соглашения в простой письменной форме, в бездействии, выразившемся в неоказании заявителю какой-либо юридической помощи, а также в игнорировании требований о возврате «предоплаты в размере 360 000 руб. за неоказанные услуги».

Рассматривая данные дисциплинарные обвинения, Квалификационная комиссия исходила из того, что 05 ноября 2019 года между адвокатом К. и доверителем К.А. было заключено соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьих лиц. В качестве лица, в пользу которого было заключено Соглашение от 05 ноября 2019 года указано ООО «...», однако определенный в нем предмет поручения предусматривает оказание адвокатом К. юридической помощи также «руководителям и сотрудникам» данного общества. Кроме того, из формулировки предмета поручения следует, что юридическая помощь данным третьим лицам должна быть оказана «в рамках уголовного дела № ..., находящегося в производстве Следственного управления внутренних дел по ... Главного управления МВД России по городу Москве на стадии предварительного расследования».

При этом, исходя из положений п. 4.1 Соглашения от 05 ноября 2019 года, вознаграждение за оказание определенных в данном соглашении видов юридической помощи могло быть уплачено адвокату как доверителем К.А., так и «заинтересованным лицом», в чьих интересах заключено Соглашение от 05 ноября 2019 года. В соответствии с положениями названного пункта адвокат К. при первой возможности был обязан сообщить о Соглашении от 05 ноября 2019 года и своих действиях «заинтересованному лицу» и «в случае неодобрения» данное Соглашение считалось расторгнутым. Между тем, выплата «заинтересованным лицом» адвокату К. вознаграждения за его юридическую помощь рассматривалась как одобрение Соглашения от 05 ноября 2019 года.

Оценивая данные условия Соглашения от 05 ноября 2019 года, Совет отмечает, что положения ст. 430 ГК РФ прямо предусматривают возможность заключения договора в пользу третьего лица. Согласно п. 1 и 2 ст. 430 ГК РФ, «1. Договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. 2. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица».

В силу специальной нормы п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», соглашение об оказании юридической помощи «представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу».

В соответствии с п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат вправе принимать денежные средства в оплату юридической помощи по соглашению за доверителя от третьих лиц (с ведома доверителя). При этом адвокат не обязан проверять взаимоотношения между доверителем и плательщиком – третьим лицом.

С учетом положений п. 3.1 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката и ст. 421 ГК РФ о свободе договора Совет не считает противоречащей закону и такую договорную конструкцию, которая допускает выплату адвокату вознаграждения третьим (назначенным доверителем) лицом, являющимся получателем юридической помощи, в том случае, если прочие условия соглашения об оказании юридической помощи не нарушают нормы профессиональной этики адвоката.

Согласно п.п. 1, 2 и 5 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», утвержденного Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года (Протокол № 8. Приложение № 6), «1. <...> Лицо, заключающее и подписывающее соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, и само лицо, которому оказывается юридическая помощь (третье лицо / назначенное лицо / обвиняемый (подозреваемый)), в силу ст. 6.1. Кодекса профессиональной этики адвоката оба являются доверителями адвоката, однако имеют различные права по доступу к информации, полученной в ходе оказания юридической помощи <...>.

2. Соглашение об оказании юридической помощи в интересах третьего лица могут заключить физическое лицо, юридическое лицо (например, в интересах своего работника), общественное объединение (например, в интересах лиц, для защиты которых оно создано) и другие субъекты гражданских правоотношений. В целях соблюдения прав обвиняемых (подозреваемых) – получателей юридической помощи (защиты по уголовному делу) при заключении соглашений о ее оказании в пользу третьего лица адвокатам следует быть осмотрительными, обращая особое внимание на личность доверителей, обратившихся к адвокату в интересах таких лиц, заключающих и подписывающих соглашение об оказании юридической помощи. Как правило, не вызывает сомнений ситуация, когда соглашение с адвокатом на защиту подозреваемого или обвиняемого заключает его близкий родственник (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные,

родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки). Родственные или свойственные отношения сами по себе являются достаточным основанием для вывода о законном интересе, который эти лица преследуют, заключая соглашение с адвокатом.

Между тем в ситуации, когда отношения между лицом, заключающим соглашение на защиту третьего лица, и самим обвиняемым (подозреваемым) с очевидностью не прослеживаются, адвокатам следует, проявляя разумную осмотрительность, более детально и осторожно подходить к вопросу о принятии поручения и фиксации сведений о лице, заключающем соглашение об оказании юридической помощи. Выяснение законной мотивации и интереса лица, заключающего соглашение об оказании юридической помощи, должно быть предметом тщательного интервьюирования такого лица со стороны адвоката. Перед принятием поручения адвокату также следует подробно выяснять сведения об обвиняемом (подозреваемом) и о процессуальной ситуации, в которой он находится, в том числе: фамилию, имя, отчество, контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты), место задержания и нахождения, мера пресечения (если она избрана), существо обвинения (подозрения) и др. Отсутствие у обратившегося к адвокату лица необходимой и достаточной информации об обвиняемом (подозреваемом) является одним из признаков, требующих от адвоката особо тщательного подхода к решению вопроса о возможности принятия поручения и необходимости получения согласия получателя юридической помощи до начала ее оказания.

<...>

5. По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России «ФСИН-ПИСЬМО» <www.fsin-pismo.ru>). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту

на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) 2019. С. 127-129).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что заключивший с адвокатом К. Соглашение от 05 ноября 2019 года доверитель К.А. являлся участником ООО «...», в связи с чем его законный интерес в организации оказания ООО «...» квалифицированной юридической помощи сомнения не вызывал. При этом приведённые выше условия Соглашения от 05 ноября 2019 года соответствуют положениям п.п. 1, 2 и 5 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица», и эти условия были соблюдены как доверителями, которым оказывалась юридическая помощь, так и адвокатом К.

Так, после подписания между адвокатом К. и доверителем К.А. Соглашения от 05 ноября 2019 года ООО «...», являющееся одним из назначенных в данном соглашении лиц - получателей юридической помощи, произвело оплату вознаграждения адвоката К. в сумме 360 000 руб. с назначением платежа: «оплата по счету № ... от 05 ноября 2019 года за оказание юридической помощи по соглашению № ... от 05 ноября 2019 года».

При таких обстоятельствах Совет признаёт установленным, что ООО «...» было осведомлено о Соглашении от 05 ноября 2019 года и одобрило его на момент оплаты, то есть 07 ноября 2019 года.

Доводы жалобы ООО «...» о том, что указанные денежные средства были перечислены на основании достигнутой между ООО «...» и адвокатом К. «устной предварительной договоренности», а сведения о номере и дате Соглашения от 05 ноября 2019 года получены из информации, указанной в счете, направленном адвокатом К., Совет находит несостоятельными.

В платежном поручении № ... от 07 ноября 2019 года указано, что оплата производится именно за оказание юридической помощи адвокатом К. по конкретному Соглашению. При этом согласно пп. 1 п. 1 ст. 161 ГК РФ сделки юридических лиц между собой и с гражданами должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. В связи с этим и исходя из требований должной осмотрительности и разумности, ООО «...» в лице его исполнительного органа – генерального директора Д., не должно было производить оплату, если бы счет был выставлен в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, лишь на основании «устной предварительной договоренности».

При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства, опровергающие объяснения адвоката К. о том, что после заключения Соглашения от 05 ноября 2019 года «была организована встреча с руководителями и учредителями ООО «...», в том числе генеральным директором данного общества», в офисе общества, расположенном в городе О. М. области, в ходе которой «были обозначены проблемы и опасения руководства общества, уточнены условия и порядок оплаты ежемесячных платежей в рамках соглашения об оказании юридической помощи».

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что требования о получении согласия ООО «...» на оказание данному обществу юридической помощи адвокатом К. были соблюдены, поскольку данное согласие было получено в конклюдентной форме.

Квалификационная комиссия в Заключении указала, что сформулированный в Соглашении от 05 ноября 2019 года предмет поручения создает правовую неопределенность относительно того, какая именно юридическая помощь должна быть оказана доверителю ООО «...», поскольку само по себе уголовное преследование в отношении юридического лица законодательством Российской Федерации не предусмотрено, при этом между интересами юридического лица и его сотрудников, привлекаемых к уголовной ответственности, может иметь место конфликт интересов.

Квалификационная комиссия посчитала, что именно эта неопределенность привела к выдвиганию против адвоката К. дисциплинарного обвинения в бездействии по Соглашению от 05 ноября 2019 года. Вместе с тем, Квалификационная комиссия признала, что в материалах дисциплинарного производства имеются доказательства оказания адвокатом К. юридической помощи по Соглашению от 05 ноября 2019 года.

Квалификационная комиссия также сослалась на п. 9 Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, согласно которому «Если в ходе оказания юридической помощи адвокату станут известны сведения, свидетельствующие о наличии у лица, заключившего соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, противоправного интереса, а равно интереса, не соответствующего интересам лица, в пользу которого заключено соглашение, или об отсутствии у лица, заключившего соглашение, права на заключение такого соглашения, то адвокат обязан приостановить оказание юридической помощи и сообщить об этом обвиняемому (подозреваемому). Дальнейшее оказание юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) может иметь место лишь при условии заключения соглашения об оказании юридической помощи с другим лицом, лишенным указанных выше пороков, либо с самим обвиняемым (подозреваемым)» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 2 (145) 2019. С. 131).

Кроме того, Комиссия указала, что в силу абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося

к нему за оказанием юридической помощи, поручение в том числе в случае, если он «оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица».

Далее Квалификационная комиссия признала, что адвокат К., учитывая обстоятельства конкретного уголовного дела, мог исходить из общности интересов ООО «...», его сотрудников и руководителей, особенно в том случае, если ООО «...» не являлось потерпевшим и не добивалось процессуального оформления данного статуса в уголовном судопроизводстве. Однако в таком случае, по мнению Квалификационной комиссии, из предмета Соглашения от 05 ноября 2019 года невозможно определить, каким образом права и законные интересы ООО «...» были затронуты расследованием уголовного дела № ..., и какие виды юридической помощи должны были быть оказаны данному обществу адвокатом К.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия посчитала, что данная неопределенность предмета Соглашения от 05 ноября 2019 года привела к тому, что, хотя адвокат К. настаивает на оказании им юридической помощи по Соглашению от 05 ноября 2019 года, ООО «...», произведя оплату его юридической помощи, считает адвоката бездействующим.

Совет не может согласиться с этими выводами и доводами Квалификационной комиссии, поскольку в части конфликта интересов они носят характер предположений. При этом дисциплинарное обвинение в оказании юридической помощи в условиях конфликта интересов в отношении адвоката К. не выдвинуто, и никаких сведений о наличии такого конфликта в материалах дисциплинарного производства не содержится. В остальной части вывод Квалификационной комиссии противоречит установленным ею фактическим обстоятельствам, поскольку факт оказания адвокатом К. Комиссией признан установленным.

Направление адвокатом К. в адрес ООО «...» счета № ... от 05 ноября 2019 года на оплату юридической помощи, а также письменные объяснения адвоката К. о том, что юридическая помощь была оказана ООО «...» и была одобрена его генеральным директором Д. указывают на то, что адвокат К. обоснованно рассматривал ООО «...» как своего доверителя.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии о том, что подписанные доверителем К.А. и адвокатом К. отчеты об оказанной юридической помощи от 30 декабря 2019 года, от 21 июля 2020 года и от 20 октября 2020 года не позволяют определить, какие именно виды юридической помощи были оказаны адвокатом К. ООО «...», а какие – руководителям и сотрудникам данного общества. При этом п. 3.1.3 и 3.1.4 Соглашения от 05 ноября 2019 года предусматривают выплату адвокату вознаграждения за осуществление «защиты», а включенные в предмет поручения виды юридической помощи (п. 1.2.1 – 1.2.8) содержат неоднократные указания на оказание юридической помощи «подзащитному», которым ООО «...» заведомо для адвоката К. являться не могло. В этой связи Совет считает необходимым обратить внимание адвоката К. на необходимость большей

конкретизации и детализации предмета принятого поручения как в соглашении об оказании юридической помощи, так и в отчётных документах о её оказании, а также на необходимость указания в соглашении с юридическим лицом его уполномоченного представителя по вопросам исполнения соглашения.

Вместе с тем, Совет признаёт, что само по себе это обстоятельство не меняет установленных фактических обстоятельств, указанных выше, и поэтому не влияет на правовую и профессионально-этическую оценку поведения адвоката К.

Совет также учитывает, что досудебная претензия ООО «...» с требованием о возврате уплаченного адвокату К. вознаграждения была направлена в Коллегию адвокатов «...» лишь 19 августа 2020 года, то есть спустя более чем девять месяцев с даты выплаты ООО «...» вознаграждения адвокату К. При этом доказательства каких-либо обращений ООО «...» в адрес адвоката К. по поводу неоказания им юридической помощи до направления указанной досудебной претензии в материалах дисциплинарного производства отсутствуют. Кроме того, факт предъявления 12 апреля 2021 года одним из участников ООО «...» (В.) к ответчику ООО «...» исковых требований об обязанности предоставить документы (дело № ...) подтверждает объяснения адвоката о наличии «корпоративного конфликта».

Вопреки мнению Квалификационной комиссии о том, что неопределенность предмета Соглашения от 05 ноября 2019 года «неразрывно связана с рассматриваемыми дисциплинарными обвинениями», поскольку привела к невозможности конкретизации юридической помощи, оказанной адвокатом К. непосредственно ООО «...», Совет вновь обращает внимание на то, что дисциплинарное обвинение в неконкретности предмета поручения в отношении адвоката К. заявителем не выдвинуто, а в соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия не вправе выходить за пределы жалобы. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

Что касается доводов жалобы ООО «...» об отсутствии заключённого соглашения об оказании юридической помощи, то они опровергнуты Квалификационной комиссией в ходе дисциплинарного разбирательства, поскольку, как указано выше, ею установлен факт заключения учредителем ООО «...» К.А. с адвокатом К. с соблюдением простой письменной формы Соглашения № ... от 05 ноября 2019 года об оказании юридической помощи ООО «...», ее руководителям и сотрудникам.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии от 07 июля 2021 года, допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката К. в этой части, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В то же время Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о том, что доводы жалобы ООО «...» относительно игнорирования адвокатом К. претензии о возврате полученного от ООО «...» вознаграждения не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны и находятся за пределами их компетенции. При этом Совет отмечает, что в производстве Б. районного суда города Москвы находится гражданское дело № ... по иску ООО «...» к адвокату К., рассмотрение которого не завершено.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе генерального директора ООО «...» Б. от 12 апреля 2021 года (вх. № ... от 16.04.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

6. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку доводы жалобы о навязывании адвокатом своей помощи доверителю не нашли своего подтверждения.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет установил, что следовательно, в производстве которого находилось уголовное дело, фактически лишил адвоката возможности исполнить требования ч. 4 ст. 49 УПК РФ, а именно: лично предъявить удостоверение адвоката для окончания процедуры вступления в уголовное дело.

Активные попытки адвоката вступить в уголовное дело, используя различные правовые механизмы (жалобы, обращения в различные органы и т.п.), были предприняты с целью исключения разумных оснований для дальнейших сомнений в нежелании обвиняемого иметь его (адвоката) в качестве своего защитника.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года адвокат М. нарушил пп. 2 и 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им после 29 октября 2020 года своей помощи доверителю Л., несмотря на выраженную им в письменной форме позицию об отказе от адвоката М.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат М. не согласился, указав, что все свои возражения изложил в заявлении, направленном в Совет Адвокатской палаты города Москвы. Их поддерживает в полном объеме и считает необходимым добавить, что,

возможно, имеется недостаток в обращении к Л. в письме, направленном от имени его помощника, но во множественном числе. В средствах массовой информации он никогда специально не позиционировал себя как защитник Л. Всем журналистам он говорил, что является адвокатом, с которым заключено соглашение об оказании юридической помощи Л. Если и есть публикации, где его именуют защитником Л., а последнего – его подзащитным, то это интерпретация журналистов, а не его позиция. На согласование ему тексты не присылали, и, возможно, он должен был этого потребовать. Целью обращения к журналистам было освещение проблемы недопуска к обвиняемому, находящемуся под стражей. На тот момент в СМИ уже была информация о задержании Л. и какая-то информация о его личности. Адвокат М. не сообщал в СМИ какие-либо сведения как о самом Л. (он даже не знал этих сведений), так и о его деле. Он не знал ни обвинения (подозрения), ни его уголовно-правовой квалификации. Адвокат М. не воспользовался правом, предусмотренным ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, в связи с тем, что, с одной стороны, посчитал излишним разбивать процесс вступления в уголовное дело в качестве защитника на несколько этапов, выбрав общий порядок вступления в уголовное дело, а с другой стороны, перед направлением следователю уведомления о вступлении в уголовное дело он посоветовался с другими адвокатами, которые сообщили ему, что механизм, закрепленный в ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, не имеет перспектив реализации при посещении ФКУ СИЗО-... ФСИН России. Сумма вознаграждения определялась исходя из того, что сначала требовалось решить вопрос со вступлением в уголовное дело в качестве защитника. Он понимал, что на этом этапе будет много трудностей. Он также отдавал себе отчет в том, что реальной юридической помощи Л. на данном этапе он оказать не сможет. Поэтому определились сначала с вознаграждением в размере 1.000 рублей, а после вступления в уголовное дело в качестве защитника Л., выяснения его позиции по делу, договорились вернуться к вопросу о вознаграждении. О навязывании Л. своей помощи с его стороны не было и речи, и такую цель он не преследовал, а лишь выполнял свои обязательства по соглашению об оказании юридической помощи и пытался всеми законными средствами получить верифицируемое согласие или несогласие Л. с участием его в качестве защитника по уголовному делу. Никакой реальной юридической помощи Л. он не оказал и оказать не мог ввиду недопуска его к участию в уголовном деле. Против воли Л. он также не действовал и прекратил свои попытки вступления в дело, как только перестал сомневаться в достоверности позиции Л., от которой изначально узнавал только от следователя.

Заявитель Л. на момент подачи жалобы находился под стражей. Каких-либо сведений об изменении ему меры пресечения и возможности принятия участия в заседании Совета не представлено. Ходатайств о допуске к участию в заседании Совета его представителей не заявлено.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Л., поскольку положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката

предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката М., Совет признаёт, что фактические обстоятельства правильно установлены Квалификационной комиссией, но считает их правовую оценку Комиссией ошибочной и не соответствующей положениям УПК РФ и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Так, установлено, что в производстве следователя по особо важным делам СУ ФСБ России М. находилось уголовное дело № ... по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 275 УК РФ. Указанное уголовное дело было возбуждено 29 сентября 2020 года, в этот же день Л. был задержан в городе Т. по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, а 30 сентября 2020 года К. районным судом города Т. в отношении Л. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, после чего он был доставлен в Москву и помещен ФКУ СИЗО-... ФСИН России.

01 октября 2020 года между адвокатом М., осуществляющим свою деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», и К. было заключено соглашение № ... об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу». В соответствии с п. 3.1 Соглашения вознаграждение адвоката М. составило 1 000 рублей.

01 октября 2020 года адвокату М. был выдан ордер № ..., в соответствии с которым ему поручается «защита прав и свобод Л. на стадии предварительного следствия в СУ ФСБ России».

02 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано уведомление о вступлении защитника в уголовное дело от 01 сентября 2020 года [*месяц на уведомлении указан адвокатом ошибочно, следует читать 01 октября 2020 года – примечание Совета*], в котором адвокат указал следующее: *«Настоящим уведомляю Вас, что я заключил соглашение об оказании юридической помощи Л. в ходе предварительного следствия. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера. На основании пункта третьего части четвертой статьи 46 и пункта девятого части четвертой статьи 47 УПК РФ после вступления в дело защитник вправе иметь с подзащитным свидания без ограничений по их количеству и продолжительности. Направляю в Ваш адрес ордер на оказание юридической помощи подзащитному, удостоверение адвоката будет представлено для обозрения по первому требованию. Также прошу сообщить информацию о месте нахождения моего доверителя – Л.»*. К указанному уведомлению адвокатом М. был приложен ордер от 01 октября 2020 года № ... и копия удостоверения адвоката, выданного на его имя.

Уведомление адвоката М. было зарегистрировано СУ ФСБ России 03 октября 2020 года.

05 октября 2020 года подозреваемым Л. на имя следователя было написано собственноручное заявление, в котором Л. сообщил, что он отказывается от «услуг» адвоката М., и данное решение не связано с его материальным положением.

05 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано ходатайство, в котором он просил выдать ему разрешение на посещение «подзащитного» Л. в следственном изоляторе и предоставить необходимую информацию по уголовному делу.

05 октября 2020 года в уголовное дело в качестве защитника Л. по соглашению вступила адвокат П., состоящая в реестре адвокатов М. области.

07 октября 2020 года помощник адвоката М. Ф. направил Л. письмо, в котором в числе прочего сообщил: *«мы вступили в уголовное дело по соглашению с Вашими близкими»*. Указанное письмо было получено Л., что подтверждается фактом приобщения данного письма к его жалобе.

07 октября 2020 года адвокатом М. в Л. районный суд города Москвы была подана жалоба в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, в которой, с учетом последующих дополнений, адвокатом М. оспаривалось бездействие следователя, состоящее в неразрешении указанного выше ходатайства адвоката М. от 05 октября 2020 года.

08 октября 2020 года адвокату М. поступил телефонный звонок, в ходе которого лицо, представившееся следователем СУ ФСБ России М., пояснило, что документы от адвоката М. ему поступили, однако рассматривать вопрос о вступлении адвоката М. в уголовное дело он не намерен, так как от него уже отказался Л.

09 октября 2020 года следователь М. направил в адрес адвоката М. письменное сообщение следующего содержания: *«Настоящим уведомляю о том, что 05 октября 2020 года от Л. поступило заявление об отказе от услуг адвоката М. В этой связи сообщить интересующую Вас информацию в отношении Л. не представляется возможным»*.

12 октября 2020 года состоялось судебное заседание Л. районного суда города Москвы по рассмотрению жалобы адвоката М., поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Из протокола судебного заседания усматривается, что судом было рассмотрено и удовлетворено ходатайство адвоката М. «о проведении видео-конференц-связи с обвиняемым Л.». Судом постановлено *«направить в адрес Л. извещение о дате рассмотрения поданной в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы, а также решить вопрос о возможности проведения ВКС с участием Л.»*. Судебное заседание было отложено на 29 октября 2020 года.

29 октября 2020 года состоялось судебное заседание Л. районного суда города Москвы по рассмотрению жалобы адвоката М., поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. По результатам рассмотрения жалобы судом вынесено постановление, которым в ее удовлетворении было отказано.

Из протокола судебного заседания усматривается, что председательствующим были оглашены поступившие в адрес Л. районного суда города Москвы *«заявление от Л., согласно которому он извещен надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания, от участия в судебном заседании он отказался, ввиду того, что 05 октября 2020 года отказался от услуг адвоката М., заявление от Л., согласно которому Л. отказался от услуг адвоката М.»*. Адвокату М. судом была предоставлена возможность ознакомиться с указанными заявлениями Л. Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что на момент его проведения адвокат М. уже был ознакомлен с указанным выше сообщением следователя М. от 09 октября 2020 года.

Заявление Л. от 14 октября 2020 года о его извещении о дате, времени и месте судебного заседания по рассмотрению жалобы адвоката М. изготовлено машинописным способом и лишь подписано заявителем, а заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. написано Л. собственноручно.

03 ноября 2020 года в приемную Л. районного суда города Москвы поступила апелляционная жалоба адвоката М. от 30 октября 2020 года на постановление указанного суда от 29 октября 2020 года.

24 ноября 2020 года адвокат М. предпринял попытку ознакомиться в Л. районном суде города Москвы с материалом, поступившим в суд совместно с ходатайством следователя о продлении срока содержания Л. под стражей. В ознакомлении с материалом ему было отказано.

26 ноября 2020 года состоялось судебное заседание апелляционной инстанции М. городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката М. на постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года. В удовлетворении апелляционной жалобы адвоката М. судом было отказано.

Из Л. районного суда города Москвы по запросу Президента Адвокатской палаты города Москвы получено собственноручное заявление Л. от 23 ноября 2020 года, адресованное в М. городской суд, и сопроводительное письмо ФКУ СИЗО-2... ФСИН России с отметкой о его поступлении в М. городской суд 25 ноября 2020 года. В своем заявлении от 23 ноября 2020 года, направленном в М. городской суд, Л. пишет: *«На мое имя поступила апелляционная жалоба на постановление Л. районного суда г. Москвы от 29.10.20 г. от адвоката М. (удостоверение № ...). Адвокат М. мне не знаком, соглашение с ним не заключал, своим родственникам и друзьям такого поручения не давал. Ранее в адрес Л. районного суда г. Москвы было направлено от моего имени заявление, в котором я выражал отказ от адвоката М. С доводами апелляционной жалобы, поданной по ст. 125 УПК РФ, я не согласен. Прошу суд апелляционную жалобу адвоката М. не рассматривать»*.

Из протокола судебного заседания по рассмотрению дела № ... в апелляционном порядке от 26 ноября 2020 года усматривается, что

прокурором было заявлено ходатайство о приобщении к материалу заявления Л. о его извещении, копии постановления следователя об удовлетворении ходатайства Л. [*имеется ввиду постановление об удовлетворении ходатайства Л. об отказе от «услуг» адвоката М. от 05 октября 2020 года – примечание Совета*]. Следователь М. пояснил, что указанное заявление направлено Л. в адрес М. городского суда 25 ноября 2020 года. Адвокат М. возражал против приобщения заявления Л., считая форму его предоставления ненадлежащей. Из протокола судебного заседания также усматривается, что после объявления перерыва председательствующий огласил заявление Л., поступившее в адрес М. городского суда [*имеется в виду заявление от 23 ноября 2020 года, направленное Л. в М. городской суд через администрацию следственного изолятора – примечание Совета*]. После оглашения заявления Л. о том, что он не согласен с апелляционной жалобой адвоката М. и просит суд ее не рассматривать, адвокат М. заявил суду, что доводы апелляционной жалобы поддерживает и, выступая в прениях, также просил постановление суда первой инстанции отменить и удовлетворить его апелляционную жалобу.

27 ноября 2020 года между адвокатом М. и Л.М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу № ... в СУ ФСБ России». В соответствии с п. 3.1 Соглашения вознаграждение адвоката М. составило 1 000 рублей.

После заключения еще одного соглашения на защиту Л. адвокат М. направил в адрес СУ ФСБ России заказным почтовым отправлением ходатайство о своем вступлении в уголовное дело в качестве защитника Л., указав в ходатайстве, что им принято поручение на защиту Л. «*в соответствии с заключенным новым соглашением об оказании квалифицированной юридической помощи Л.*».

09 декабря 2020 года Л. собственноручно написал на имя следователя М. еще одно заявление, в котором указал, что «вновь» отказывается от «услуг» адвоката М. Желает, чтобы его защиту в ходе предварительного следствия осуществляла адвокат П., с которой у него заключено соглашение. Л. также указал, что не давал никому из близких родственников и знакомых поручения о заключении с адвокатом М. соглашения о его защите.

Письмом следователя М. от 09 декабря 2020 года адвокат М. еще раз был уведомлен о позиции Л. по вопросу оказания ему юридической помощи адвокатом М.

Также установлено, что еще до получения согласия Л. на осуществления его защиты и до принятия описанных выше попыток вступить в указанное уголовное дело в качестве защитника Л. адвокатом М. были направлены многочисленные жалобы и обращения в ФСБ Российской Федерации, Администрацию президента Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации,

а о предпринятых адвокатом М. мерах по розыску Л. Интернет-издание «...» со ссылкой на информацию, полученную от адвоката М., сообщило еще 02 октября 2020 года (<https://...>). Позднее на страницах указанного издания адвокат М. освещал свои сложности с получением разрешения следователя на свидание с Л. (<https://...>). Сведения об участии в уголовном деле сообщались адвокатом М. и иным средствам массовой информации (<https://...>). Кроме того, адвокат М. направил жалобу в Адвокатскую палату М. области в отношении адвоката П., а также обратился в Комиссию Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов, председатель которой Зиновьев Р.Ю. письменно обратился к Генеральному прокурору РФ с просьбой провести проверку по факту недопуска адвоката М. к Л. и при наличии оснований принять меры прокурорского реагирования.

Давая оценку установленным фактическим обстоятельствам и действиям адвоката М., Квалификационная комиссия исходила из того, что он не воспользовался предоставленным ему ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ правом на свидание с подозреваемым Л. перед вступлением в уголовное дело для получения согласия последнего на участие в уголовном деле в качестве защитника. В связи с этим Комиссия пришла к выводу о том, что согласие на участие в уголовном деле в качестве защитника Л. как таковое адвокатом М. у Л. не испрашивалось, а с 29 октября 2020 года, когда адвокат М. в судебном заседании Л. районного суда города Москвы ознакомился с рукописным заявлением Л. от 05 октября 2020 года «об отказе от услуг адвоката М.», последний утратил право действовать в интересах Л. По этой причине все последующие действия, по мнению Квалификационной комиссии, являлись недопустимым навязыванием своей помощи.

Совет не может согласиться с такой правовой оценкой профессионального поведения адвоката М. в силу следующего.

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» (часть 1). «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Право на защиту гарантируется общепризнанными принципами и нормами международного права - Всеобщей декларацией прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948); Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.); Международным пактом о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Основными принципами, касающиеся роли юристов (приняты в г. Гаване 27.08.1990 - 07.09.1990 восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями)) и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из основных прав человека и гражданина. Обеспечение подозреваемому и

обвиняемому конституционного права на защиту является важнейшим принципом уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ).

Часть 4 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что «адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Толкуя приведенные и иные нормы УПК РФ, касающиеся права обвиняемого и подозреваемого пользоваться помощью защитника, Конституционный Суд РФ в Определениях от 22.04.2010 № 596-О-О, от 22.11.2012 № 2054-О, от 23.06.2016 № 1432-О сформулировал правовую позицию, согласно которой «выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело; решение же об отводе защитника может основываться только на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих его участие в деле. Таким образом, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П, оспариваемые положения уголовно-процессуального закона не должны служить основанием для лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, принимать правоприменительные акты, разрешающие защитнику участвовать в деле; не должны они рассматриваться и как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей».

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, 01 октября 2020 года между адвокатом М. и К. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу». В этот же день адвокату М. был выдан ордер № ..., в соответствии с которым ему поручается «защита прав и свобод Л. на стадии предварительного следствия в СУ ФСБ России».

02 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано уведомление о вступлении защитника в уголовное дело и ордер адвоката.

05 октября 2020 года после получения номера регистрации указанного уведомления, адвокат М. в месте нахождения следователя СУ ФСБ России по адресу: г. Москва, ... пытался связаться со следователем в целях подтверждения получения им ордера адвоката и предъявления удостоверения адвоката для вступления в уголовное дело в качестве защитника. Между тем, дежурный сообщил, что следователя, в производстве которого находится

уголовное дело, нет на месте, но по прибытии он с ним свяжется самостоятельно.

В период с 05 по 07 октября 2020 года следователь не связался с адвокатом М. Поэтому адвокат М. в указанный период времени вынужден был подготовить ряд обращений в Следственный Российский Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Администрацию Президента РФ, УСБ ФСБ России, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Москальковой Т.Н., Уполномоченному по правам человека по г. Москве Потяевой Т.А., а также к Председателю комитета за гражданские права, члену Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ Бабушкину А.В.

По согласованию с друзьями и родственниками Л. с целью привлечения внимания к сложившейся проблеме, систематическим и длящимся ее характером, возможной угрозой жизни и здоровью последнего, адвокат М. вынужден был обратиться в СМИ.

07 октября 2020 года адвокат М. подал жалобу в Л. районный суд города Москвы в порядке ст. 125 УПК РФ, а также многочисленные дополнения к ней, в соответствии с которой просил признать незаконным бездействия следователя, выразившиеся в несовершении действий, направленных на вступление его в уголовное дело в качестве защитника, а также в препятствовании в допуске к подзащитному, находящемуся под стражей.

08 октября 2020 года на мобильный телефон адвоката М. поступил звонок из СУ ФСБ России с абонентского номера +7..., и лицо, представившееся следователем СУ ФСБ России М., пояснило, что документы от него (адвоката М.) ему поступили, однако рассматривать вопрос вступления его в уголовное дело он не собирается, так как от него (адвоката М.) уже отказался подзащитный Л.

Указанным фактическим обстоятельствам Квалификационная комиссия не дала какой-либо правовой оценки, тогда как они имеют существенное значение для обоснованного вывода о наличии или отсутствии навязывания юридической помощи в действиях адвоката М.

Оценивая приведенные выше фактические обстоятельства, Совет обращает внимание, что с 02 по 08 октября 2020 года следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, фактически лишил возможности адвоката М. исполнить требования ч. 4 ст. 49 УПК РФ, а именно: лично предъявить удостоверение адвоката для окончания процедуры вступления в уголовное дело. Поскольку адвокат М. по независящим от него причинам не смог совершить указанных выше действий, то в силу невыполнения требований ч. 4 ст. 49 УПК РФ он не приобрел процессуальный статус защитника обвиняемого (подозреваемого) Л.

Исходя из этого должна даваться надлежащая правовая оценка рукописному заявлению Л. об отказе от «услуг» адвоката М., с которым последний ознакомился 29 октября 2020 года в ходе заседания Л. районного

суда города Москвы при рассмотрении поданной им жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 52 УПК РФ «подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника». Буквальное и системное толкование ст. ст. 49, 50, 52 УПК РФ свидетельствует о том, что отказ от защитника возможен только после появления в уголовном деле такого участника уголовного судопроизводства как «защитник» (ст. 49 УПК РФ). Адвокат М. не приобрел в уголовном деле в отношении обвиняемого (подозреваемого) Л. уголовно-процессуальный статус защитника, в связи с чем рукописное заявление Л. от 05 октября 2020 года не могло являться безусловным основанием для вывода Квалификационной комиссии о том, что «начиная с 29 октября 2020 года [адвокату М. – примечание Совета] следовало [...] немедленно устраниться от участия в уголовном деле».

Совет обращает внимание на то, что 29 октября 2020 года адвокату М. были доступны для изучения рукописное заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. и напечатанное машинописным образом уведомление Л. от 14 октября 2020 года о назначении даты рассмотрения жалобы на 29 октября 2020 года, от участия в рассмотрении которой он отказывается ввиду ранее написанного заявления от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. В связи с этим 29 октября 2020 года адвокат М. мог с достаточной степенью достоверности предполагать только то, что Л., находящийся под стражей в ФКУ СИЗО-... ФСИН России, не имел возможности самостоятельно машинописным способом изготовить заявление от 14 октября 2020 года, в котором дополнительно указал на отказ от «услуг» адвоката М. от 05 октября 2020 года. Изложенные выше обстоятельства не только не могли устранить сомнения адвоката М. в добровольности и достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года об отказе от него, но и способствовали тому, чтобы утвердиться в них.

Совет также отмечает, что 29 октября 2020 года в судебном заседании Л. районного суда города Москвы стороной обвинения не было представлено постановление следователя по результатам рассмотрения заявления Л. от 05 октября 2020 года. Поэтому адвокат М. оказался в явно неопределенном и противоречивом процессуальном положении. С одной стороны, обвиняемый (подозреваемый) Л. отказался от «услуг» адвоката, и на этом основании следователь отказал во вступлении адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника. При этом такой отказ был сделан без участия адвоката и, соответственно, без предоставления последнему возможности удостовериться в добровольности отказа от него.

С другой стороны, следователь не представил в суд постановление об удовлетворении заявления Л. об отказе от защитника, в связи с чем заявленное адвокатом М. ходатайство оставалось неразрешённым, как и вопрос о его вступлении в уголовное дело.

Наконец, заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката невозможно расценить как добровольное волеизъявление Л., выражающее его несогласие с участием адвоката М. в уголовном деле в качестве его защитника, поскольку к процедуре получения такого отказа должны предъявляться требования по верификации, аналогичные требованиям к получению согласия адвоката на участие в уголовном деле в качестве защитника. Совет напоминает, что в Разъяснениях № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), опубликованы: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2. С. 129-130) содержится положение, в соответствии с которым «согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя». Учитывая, что согласие доверителя на оказание ему адвокатом юридической помощи на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного третьим лицом в его (доверителя) пользу, и отказ доверителя в даче такого согласия влекут равнозначные последствия, то и к верификации любого из указанных волеизъявлений доверителя должны предъявляться одинаковые требования.

По этой причине Совет признаёт, что изложенные выше обстоятельства не позволяли адвокату М. прийти к обоснованному выводу о том, что его доверитель, в пользу которого им было заключено соглашение об оказании юридической помощи, – обвиняемый (подозреваемый) Л. – добровольно и свободно выразил свою волю, не согласившись на участие адвоката М. в уголовном деле в качестве его защитника.

Из пояснений адвоката М., не опровергнутых заявителем, следует, что 30 октября 2020 года он обжаловал постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года об отказе в удовлетворении жалобы в целях получения возможности встретиться с Л. в суде апелляционной инстанции для получения лично от него сведений о необходимости или отсутствии необходимости его защиты по уголовному делу, добровольности или недобровольности «отказа от услуг».

В период между подачей апелляционной жалобы и датой рассмотрения ее судом апелляционной инстанции адвокат М. получил ответ начальника отдела Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Н. № ... от 23 ноября 2020 года, в котором указывалось, что уведомление адвоката М. от 02 октября 2020 года о вступлении в уголовное дело вместе с ордером поступило в адрес СУ ФСБ России 06 октября 2020 года, а обвиняемый (подозреваемый) Л. отказался «от услуг» адвоката М. 05 октября 2020 года. В

связи с этим адвокат М. вновь утвердился в своих сомнениях в добровольности и достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года, поскольку невозможно было подать заявление об отказе от «услуг» адвоката М. за день до получения следователем информации о том, что адвокат М. вступает в уголовное дело, о чем информирует следователя.

Квалификационная комиссия, давая оценку указанным фактическим обстоятельствам, посчитала этот довод адвоката М. «явно надуманным», поскольку «очевидно для адвоката М. содержалась ошибка в указании даты поступления уведомления адвоката следователю, а к моменту получения указанного ответа фактические обстоятельства, связанные с заявлением Л. отказа от адвоката М. и его рассмотрением следователем, адвокату М. были хорошо известны».

Совет не может согласиться с приведенной оценкой в связи со следующим. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо сведения об иных датах получения следователем уведомления адвоката М. о вступлении в уголовное дело в качестве защитника и его рассмотрения следователем или о существовании иных фактических обстоятельств, анализ которых позволил бы однозначно оценить приведенные сведения как ошибочные. Поэтому предположительный вывод Комиссии об очевидности для адвоката М. «ошибки в указании даты поступления уведомления следователю», с которым сам адвокат М. также не согласен, не основан на установленных Квалификационной комиссией фактических обстоятельствах и не может быть положен в основу решения о наличии в действиях адвоката М. навязывания юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки выводу Квалификационной комиссии, соглашается с оценкой адвокатом М. заявления Л. от 05 октября 2020 года как вызывающего обоснованные сомнения в добровольности и достоверности его волеизъявления.

В дополнение к этому Совет обращает внимание, что сведения о поступлении в СУ ФСБ России именно 06 октября 2020 года уведомления адвоката М. от 02 октября 2020 года о вступлении в уголовное дело содержатся не в одном ответе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а, как минимум, в двух. Так, к письменным объяснениям адвоката М. приложены ответы начальника отдела управления Генеральной прокуратуры РФ Н. от 23.11.2020 № ... и от 24.11.2020 № ..., адресованные соответственно председателю МОПБО Б. и адвокату М. Оба ответа содержат аналогичные по содержанию сведения, что лишь подтверждает довод о наличии оснований для обоснованных сомнений в достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года.

26 ноября 2020 года в М. городском суде состоялось рассмотрение апелляционной жалобы адвоката М. на постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года. В ходе судебного заседания по ходатайству следователя были приобщены к материалам заявления Л. от 23 ноября 2020 года о несогласии с доводами жалобы и нежелании принимать

участие в судебном заседании и иметь своим защитником адвоката М., а также постановление следователя М. от 05 октября 2020 года об удовлетворении ходатайства (заявления) Л. от 05 октября 2020 года об отказе от защитника – адвоката М.

После ознакомления с указанными заявлением Л. и процессуальным решением следователя о разрешении заявления Л. об отказе от защитника – адвоката М. последний прекратил осуществлять какие-либо действия в интересах Л.

Изложенные выше обстоятельства не позволяют Совету согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что «начиная с 29 октября 2020 года у адвоката М. не имелось разумных оснований считать себя защитником Л., и ему следовало [...] немедленно устранившись от участия в уголовном деле». Совет полагает, что в условиях, когда следователь фактически блокировал адвокату М. возможность предъявить удостоверение адвоката, вступить в уголовное дело в качестве защитника и при личной встрече с Л. в ФКУ СИЗО-... ФСИН России выяснить его позицию относительно участия адвоката М. в качестве его защитника, адвокат М. в период по 26 ноября 2020 года включительно действовал правомерно и добросовестно, добиваясь всеми не запрещенными законом способами возможности достоверно установить истинную волю Л., и такие его действия не могут быть квалифицированы как навязывание своей помощи доверителю.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, после 26 ноября 2020 года по инициативе родной сестры обвиняемого Л. – Л.М. – с адвокатом М. было заключено новое соглашение об оказании юридической помощи ее брату – Л. от 27 ноября 2020 года. Основанием для заключения нового соглашения явился ее телефонный разговор с братом, в ходе которого последний высказал намерение встретиться с адвокатом М.

В этот же день, 27 ноября 2020 года, уведомление о вступлении в уголовное дело в качестве защитника совместно с ордером было передано в СУ ФСБ России. Указанные документы получены следователем 04 декабря 2020 года.

24 декабря 2020 года в заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты М. области при рассмотрении жалобы в отношении другого защитника обвиняемого Л. – адвоката П., адвокатом М. получена информация о том, что Л. вновь отказался от его «услуг», написав 09 декабря 2020 года заявление на имя следователя М. После получения этой информации адвокат М. окончательно прекратил все действия по вступлению в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого Л., поскольку поведение последнего по отношению к адвокату М. приобрело устойчивый характер и исключило разумные основания для дальнейших сомнений в нежелании Л. иметь адвоката М. в качестве своего защитника.

Сопоставление двух периодов, в ходе которых адвокат М. пытался вступить в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого) Л. - с 02 октября по 26 ноября 2020 года и с 27 ноября по 24

декабря 2020 года, свидетельствует о том, что в ходе первого периода адвокат М. предпринимал активные попытки вступить в уголовное дело, используя различные правовые механизмы (жалобы, обращения в различные органы и т.п.). В рамках второго периода, обнаружив последовательность позиции Л., адвокат М. не предпринимал активных действий, что также свидетельствует об отсутствии в его поведении признаков навязывания Л. своей юридической помощи.

Поскольку в Заключении Квалификационной комиссии имеется ссылка на ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ о праве адвоката на свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера перед вступлением в уголовное дело и о значении этого правомочия для настоящего дисциплинарного производства, Совет считает необходимым дать отдельные пояснения о его применении.

17 апреля 2017 года принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации», направленный на создание дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Согласно пояснительной записке к проекту указанного федерального закона, им «вводятся правила, которые, развивая уже закрепленные в уголовно-процессуальном законе требования, позволяют в ходе предварительного расследования сократить риски воспрепятствования допуску защитника к участию в досудебной процессуальной деятельности, в том числе на первоначальном этапе».

Этим федеральным законом ст. 49 УПК РФ была дополнена частью 4.1, в соответствии с которой «в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Квалификационная комиссия отметила, что адвокат М. не воспользовался предоставленным ему ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ правом на свидание с обвиняемым (подозреваемым) Л. перед вступлением в уголовное дело для получения согласия на свое участие в уголовном деле, а сразу направил уведомление о вступлении в уголовное дело в качестве защитника.

Совет в этой связи обращает внимание на то, что ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ имеет неразрывную и системную взаимосвязь с ч. 1 ст. 50 УПК РФ, согласно которой защитник приглашается самим обвиняемым (подозреваемым), а также по их поручению другими лицами или с согласия обвиняемого (подозреваемого). До внесения указанных изменений в УПК РФ адвокаты следователи (дознаватели) отказывали адвокатам во вступлении в качестве защитников в уголовное дело, мотивируя отказ тем, что у них отсутствует согласие обвиняемого (подозреваемого) на их участие в качестве защитников. Одновременно с этим следователи отказывали в предоставлении адвокатам свидания с обвиняемым (подозреваемым) для получения согласия на участие

в уголовном деле в качестве защитника, ссылаясь на то, что они не являются участниками уголовного судопроизводства. В целях недопущения подобных ситуаций и формирования процессуального механизма их разрешения в ст. 49 УПК РФ и была введена ч. 4.1 указанного выше содержания.

При этом введение ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ не изменило сам порядок вступления защитника в уголовное дело, но предоставило дополнительные гарантии: обвиняемым (подозреваемым) - реализации права на свободный выбор защитника, а адвокатам - допуска к доверителю. Соответственно, полномочие, предусмотренное ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, является правом адвоката, но не его обязанностью. В зависимости от процессуальной ситуации и содержания соглашения адвокат самостоятельно может определить вариант действий: предварительное получение согласия на участие в уголовном деле и последующее вступление в уголовное дело или вступление в уголовное дело сразу после заключения соглашения с получением согласия обвиняемого (подозреваемого) до начала оказания ему юридической помощи. Выбор варианта вступления в уголовное дело влияет лишь на содержание первоначального ордера и характер последующих действий адвоката (необходимость предъявления нового ордера – на участие в уголовном деле или уведомления о расторжении соглашения в случае неполучения согласия).

Иными словами, положения ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ не обязывают адвоката в случае заключения соглашения в пользу третьего лица сначала провести свидание с обвиняемым (подозреваемым) для получения его согласия, и лишь получив его, представить следователю ордер в качестве защитника для вступления в уголовное дело.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8, опубликованы: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2. С. 129-130) рекомендовал адвокатам «активно пользоваться этим правом в целях своевременного получения такого согласия», но не сформулировал иной (тем более, отличный от УПК РФ) порядок вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника.

Наконец, Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что «вся активность адвоката М. была направлена на самопиар в средствах массовой информации, на что, помимо установленных Комиссией обстоятельств общения адвоката со средствами массовой информации, в данном конкретном случае указывает и размер вознаграждения адвоката по каждому из заключенных соглашений».

Совет неоднократно высказывал и повторяет вновь позицию о том, что размер вознаграждения определяется сторонами соглашения об оказании юридической помощи и не может подвергаться оценке на предмет его

обоснованности извне, в том числе, со стороны органов адвокатского самоуправления. В данном случае установление суммы вознаграждения адвоката М. в размере 1.000 рублей по каждому из соглашений также не свидетельствует о том, что целью его действий являлся «самопиар в средствах массовой информации». Как пояснил адвокат М., сумма вознаграждения определялась исходя из того, что на первоначальном этапе нужно было решить вопрос о вступлении в уголовное дело в качестве защитника, определить объем работы в соответствии с избранной доверителем позицией, после чего планировалось определить итоговую сумму вознаграждения. Это объяснение адвоката ничем не опровергнуто, и Совет находит его достоверным и разумным.

Совет обращает внимание на то, что само по себе общение адвоката с представителями средств массовой информации в целях защиты интересов доверителя не может быть расценено как «самопиар» (действия, имеющие целью привлечение внимание к себе и повышение узнаваемости в информационном пространстве). Кроме того, в жалобе Л. не указаны средства массовой информации, в которых адвокат М. позиционирует себя как адвокат-защитник Л., повествует о фактах жизни последнего и его задержании в городе Т., разглашает сведения, составляющие адвокатскую тайну. Квалификационная комиссия, выйдя за пределы жалобы, указала в Заключении информационные ресурсы, в которых были опубликованы комментарии адвоката М. относительно проблем, возникающих у него при вступлении в уголовное дело в отношении Л. и при получении свидания с ним. При этом Комиссия, не анализируя содержание указанных ею комментариев адвоката М., пришла к выводу, что «вся активность адвоката М. была направлена на самопиар в средствах массовой информации». Этот вывод нельзя признать обоснованным.

В этой связи Совет считает необходимым обратить внимание на то, что Европейский суд по правам человека в Постановлении от 15 ноября 2011 года по делу «Мор (Mor) против Франции» (жалоба № 28198/09) указал: «обращаясь к замечаниям, высказанным вне зала суда, Европейский Суд повторяет, что защита клиента может быть осуществлена путем появления в телевизионных новостях или с помощью высказываний в прессе, и с помощью подобных способов адвокаты могут уведомить общественность о недостатках, которые могут нанести ущерб судопроизводству» (§ 59). Поэтому сам по себе факт выступления адвоката в средствах массовой информации с комментарием о нарушении его профессиональных прав не может быть признан упречным профессиональным поведением и, тем более, получить оценку как «недопустимого самопиара».

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. не опровергнутой и, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, не усматривает в его профессиональном поведении признаков нарушения

норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённого умышленно или по грубой неосторожности.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы (без участия в голосовании Рябцева В.Н. и Сучкова А.В.) прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе Л. от 17 декабря 2020 года (вх. № ... от 24.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.